

ОСЕТИЯ И ВЕРХОВЬЯ РЮНА.

I.

Алагиръ и его окрестности.—Ущелье Нахазъ.—Странные источники.—Растительность.—Аулъ.—Уроцище Св. Николая.—Долина Цеи.—Ущелье Касара.—Аулъ Заромагъ.—Ледники.—Мамисоновское ущелье.—Прють.—Мамисоновский перевалъ.

Алагиръ расположень у самыхъ предгорій Кавказскаго хребта, на высотѣ около 2.050 футовъ надъ уровнемъ моря. Мѣсто это производить во всѣхъ отношеніяхъ пріятное впечатлѣніе. Какъ самъ Алагиръ, такъ и его окрестности утопають въ зелени. Жители, занимающіеся лѣсной промышленностью, садоводствомъ, выжиганіемъ угля для свинцово-серебрянаго завода и отчасти хлѣбопашествомъ, живутъ вообще недурно. Почти всѣ они имѣютъ порядочные домики, крытые черепицей и окруженные садами. Между ними есть нѣсколько большихъ каменныхъ зданій, принадлежащихъ горному вѣдомству, красивая церковь въ центрѣ селенія и очень опрятная школа, выстроенная бывшимъ управляющимъ завода А. Б. Иваницкимъ. Въ разстояніи менѣе версты отъ Алагира находится каменное, четырехугольное зданіе оригинальной архитектуры, это— заводъ, въ которомъ выплавляются изъ руды серебро и свинецъ. Тотчасъ за нимъ начинаются горы, покрытыя лѣсомъ. Съ восточной стороны, у самой окраины Алагира, протекаетъ быстрая, горная рѣчка Ардонъ, имѣющая шаговъ 40 ширины. Лѣто здѣсь прохладное, вѣтровъ почти не бываетъ, а воздухъ чистый и свѣжій. Болотистыя мѣста въ окрестностяхъ Алагира, заросшія осокой, ситникомъ и камышемъ, вслѣдствіе близости горъ и прохладнаго лѣта, не оказываютъ вреднаго вліянія на его климатъ.

Лѣсъ, расположенные на сосѣднихъ предгоріяхъ, состоять изъ бука (*Fagus silvatica*), ольхи (*Alnus incana* и *A. glutinosa*), клёна (*Acer campestre* и *platanoides*), вяза (*Ulmus campestris* L. и *U. suberosa* M. B.), липы, орѣшика, дуба и т. д. Встрѣчается также ясень, но сравнительно рѣдко. По рассказамъ мѣстныхъ жителей, липа и дубъ также становятся значительно рѣже, конечно, потому, что они болѣе другихъ пригодны для различныхъ подѣ-

лость и сильно истребляются лесопромышленниками. Изъ фруктовъ въ Алагирѣ болѣе всего разводятъ яблоки и груши. Послѣднія особенно вкусны и успѣли пріобрѣсти хорошую славу почти во всемъ Сѣверномъ Кавказѣ. Въ дикомъ состояніи по открытымъ мѣстамъ растетъ почти всюду ежевика, а нѣсколько дальше, въ лѣсахъ—малина. Изъ крупныхъ млекопитающихъ въ окрестностяхъ Алагира водится много дикихъ козъ (*Capreolus vulgaris*) и медвѣдей; кромѣ того, встречаются кабаны, олени и волки. Кабаны наносятъ значительный вредъ посѣвамъ, но зато не мало ихъ погибаетъ отъ пуль охотниковъ на кукурузныхъ поляхъ, которыхъ посѣщаются ими въ августѣ очень усердно. На горахъ, верстахъ въ 20 отъ Алагира, встречаются еще серны. Птичье населеніе ничего особенного не представляеть. Часто я видѣлъ сарычей (*Buteo Menetriesi Bogd.*), черноголовую сойку (*Garrulus Krinickii*), черныхъ дроздовъ, дятловъ (*Picus major L.*), а по болотистымъ мѣстамъ много коростелей; изрѣдка попадаются куропатки, стрепета и горлицы, но вообще пернатой дичи здѣсь немного.

Въ ясную погоду изъ Алагира открывается очень красивый горный пейзажъ. Прежде всего бросается въ глаза Каріухохъ—высокая, почти отвесная скала съраго цвета, достигающая 11.164 футовъ надъ уровнемъ моря. Хотя она высотою значительно уступаетъ другимъ горамъ, но, вслѣдствіе относительной близости къ Алагиру, представляется гораздо выше ихъ. Находясь вдали отъ Главного хребта и его сѣжихъ вершинъ, Каріухохъ мало подверженъ ихъ охлаждающему влиянию; поэтому, несмотря на огромную высоту, лѣтомъ совершенно освобождается отъ снѣга. Почти прямо на западъ отъ Алагира, изъ-за отроговъ Главного хребта выглядываетъ какъ будто бы небольшой холмикъ снѣга, это—вершина одной изъ высочайшихъ горъ Кавказа—Дыхъ-тау. Отсюда же видѣнъ Казбекъ, къ З. отъ него гигантская, сѣжная стѣна съ отдаленными пиками, едва уступающими по высотѣ Монблану, и кромѣ того очень живописныя предгорія, покрыты зелеными лѣсами и пастбищами.

Пробыгъ въ Алагирѣ три дня, я отправился въ горы, чтобы познакомиться съ нѣкоторыми мѣстами долины Ардона, а потомъ черезъ Мамисоновскій перевалъ пробраться къ верховьямъ Риона. Карль Карловичъ Сивертъ, занимающій должность пристава въ Алагирѣ, снабдилъ меня хорошимъ проводникомъ и верховой лошадью.

Въ восьми верстахъ отъ Алагира мы вѣхали въ очень кра-

сивое, извилистое ущелье Нахазъ, начинающееся на высотѣ 2.380 футовъ надъ уровнемъ моря. Въ однихъ мѣстахъ оно покрыто та-кой густой растительностью, что она почти совершенно скрываетъ почву и камни; въ другихъ-же—наоборотъ—видны только голыя скалы. Кромѣ различныхъ деревянистыхъ и травянистыхъ цвѣтковыхъ растеній въ этомъ ущельѣ обращаютъ на себя вниманіе красивые папоротники *Polystichum filis mas* L., *Polypodium vulgare*, *Aspidium Lonchitis* Sw., *Asplenium septentrionale* Sw., *Cystopteris fragilis* и *Asplenium trichomanes* L., свѣшивающіеся въ видѣ гирляндъ изъ углубленій и трещинъ скалъ. Съ лѣвой стороны Ардона находится нѣсколько теплыхъ источниковъ, содержа-щихъ большое количество сѣристаго водорода, запахъ которого слышенъ по ущелью за много верстъ. Сѣристый водородъ разла-гается, причемъ выдѣляющіяся изъ него мельчайшія частички сѣры придаютъ водѣ необыкновенно нѣжный голубой цвѣтъ. Изъ этихъ источниковъ образуется такого-же цвѣта тихая рѣчка, са-женъ въ 100 длины, впадающая потомъ въ Ардонъ. Всѣ камни, по которымъ она течеть, покрыты желтовато-блѣмыми осадками сѣры.

Противъ Каріухоха, слѣдовательно, верстахъ въ 25 оть Ала-гира, лѣса почти исчезаютъ и только на значительной высотѣ, по склонамъ долины остаются еще небольшія заросли изъ низкихъ сосновыхъ деревцевъ. Но тамъ, где деревья уже кончаются, по берегу Ардона тянутся кустарники: барбарисъ, можжевельникъ (*Juniperus communis*), вязъ (*Cornus mascula*), облепиха или де-реза (*Hippophaë ramnoides* L.), крушина (*Ramnus cathartica*), ро-додендроны, *Ephedra procera* съ красными плодами и листьями, напоминающими хвои, а также травянистые растенія, преимущественно *Lotus corniculatus*, *Xanthium spinosum*, нѣсколько видовъ *Salvia*, *Vincetoxicum officinale*, *V. medium*, страшно колючій съ толстымъ стеблемъ *Astragalus pseudotragacanta* Pall, *Campanula*, *Trifolium procumbens*, *Teucrium Chamaedrys* и т. д.

За Нахазомъ долина Ардона снова расширяется, склоны ёя становятся не такъ скалистыми и болѣе пологими, а растительность очень бѣдной. Каріухохъ отсюда кажется не столь высокимъ, а его вершина не такъ недоступной, какъ изъ Алагира. Проѣз-жая здѣсь, я нѣсколько разъ слышалъ крикъ горныхъ курочекъ (*Perdix chukar* Gray), а въ одномъ мѣстѣ увидѣлъ цѣлое стадо ихъ. Со мною была только винтовка, но я вздумалъ хотя съ по-мощью ея добыть одну птичку. Дѣйствительно, мнѣ удалось убить ее, когда она сидѣла на камнѣ, шагахъ въ 60 оть меня, но пу-

ля-экспрессъ такъ сильно повредила ее, что шкурка для коллекціи не годилась вовсе. Млекопитающихъ, кромѣ домашнихъ, мы не видѣли совершенно. Нигдѣ не попадался даже *Spermophilus tisicus Mén.*, столь обыкновенный въ долинахъ Пятигорскаго округа.

Что касается горныхъ породъ, то онѣ по долинѣ Ардона располагаются въ слѣдующемъ порядке: около Алагира залегаютъ: песчаникъ, перемѣшанный съ конгломератами, дальнѣе известняки и доломиты, потомъ кварцы и аспидный сланецъ (въ Нахазѣ и выше его), въ одномъ мѣстѣ гранитъ (около Бадскихъ воротъ *), а еще дальнѣе снова тотъ-же аспидный сланецъ.

Часа два спустя послѣ отѣзда изъ Алагира мы поровнялись съ осетинскимъ ауломъ Бизъ, въ которомъ находится около 25 дворовъ. Замѣтны хижины его. Онѣ сложены изъ камня и какъ гнѣзда ласточекъ приkleены къ утесамъ. Многія изъ нихъ даже трудно отличить отъ скаль. Почти противъ аула съ нами встрѣтилась жена моего проводника, которая ъѣздила гостить къ своимъ роднымъ и теперь возвращалась домой. За нею гнали нѣсколько барановъ и везли въ арбѣ другіе подарки, сдѣянные ей родственниками. Она попросила насъ остановиться и предложила вареную курицу и хорошаго осетинскаго пива. Порядочно проголодавшись за дорогу, мы съ удовольствіемъ воспользовались ея предложеніемъ.

Слѣдующій аулъ, черезъ который намъ пришлось проѣзжать, былъ Нузаль. Онѣ состоять только изъ 20 дворовъ, но считается центромъ Нузальскаго прихода, въ которомъ ихъ не менѣе 120. Въ Нузалѣ живеть старшина; къ нему мы заѣхали, чтобы отдохнуть часа полтора. Онѣ принялъ меня любезно, угощалъ пивомъ и просилъ у него ночевать, но такъ-какъ намъ оставалось не болѣе получаса ъѣзды до уроцища Св. Николая, гдѣ мы могли помѣститься въ просторномъ казенномъ домѣ, то я предпочѣлъ ъѣхать дальнѣе.

Противъ Нузала, на другой сторонѣ Ардона, находятся остатки древней крѣпости. Ея каменные башни такъ искусно прильплены къ отвѣснымъ стѣнамъ ущелья, что ихъ едва можно замѣтить. Около Нузала есть еще кладбище со многими памятниками, сдѣянными изъ дерева или камня. Осетины любятъ украшать ихъ изображеніями различныхъ доспѣховъ войны и охоты; поэтому на нихъ часто приходится видѣть цѣлую выставку раскрашенныхъ

*) На берегу Ардона, верстъ на 5 ниже Нузала.

рисунковъ не только ружей, пистолетовъ, шашекъ и бинжаловъ, но даже патроновъ, пороховницы, коробочки съ саломъ для смазки оружія, отвертки и т. д.

За полчаса до заката солнца мы пріѣхали въ уроцище Св. Николая. Это мѣсто расположено внизу скалистаго ущелья, ширина котораго не болѣе полуверсты. По берегамъ Ардона здѣсь растеть много орѣшника, а на скалистыхъ склонахъ ущелья рѣдкій сосновый лѣсъ; при этомъ крупныя сосны лѣпятся по совершенно отвѣснымъ, голымъ скаламъ и придаютъ ущелью необыкновенно красивый и своеобразный видъ.

Къ долинѣ Ардона, почти противъ уроцища Св. Николая, примыкаеть съ западной стороны лѣсистая долина рѣки Цеи. Въ углу, составленномъ пересѣченіемъ ихъ, поднимается высокая гора Кальперъ (на пятиверстной картѣ—Кальверъ). Вершина ея состоитъ изъ трехъ скалистыхъ зубцовъ, на одномъ изъ которыхъ нагромождены большія массы снѣга. Противъ Кальпера, на другой сторонѣ Ардона, стоитъ также очень высокая гора Касара. Отъ нея получило название ущелье Ардона выше уроцища (Касарское ущелье).

Въ 8 часовъ утра мы отправились въ лѣсистую Цейскую долину. Это короткая, глубокая, но относительно не такъ узкая долина. По дну ея, съ шумомъ прыгая съ камня на камень, быстро несется довольно большая, горная рѣчка съ чистой, голубоватой водой. Вся длина ея не болѣе 15 или 20 верстъ. Высокія горы, основаніе которыхъ покрыто лѣсомъ, а отвѣсныя вершины—снѣжными и глетчерными полями, составляютъ бока этой прекрасной долины. Лѣса здѣсь смѣшанные, изъ хвойныхъ и лиственныхъ породъ. Вверху долина замыкается высокими горами, съ которыхъ спускается большой глетчеръ, питаящий рѣчку Цею.

Болѣе получаса мыѣхали съ правой стороны рѣчки, по довольно сносной дорогѣ. Она почти на всемъ протяженіи шла по густому лѣсу, а потомъ привела насъ къ рѣчкѣ. Здѣсь когда-то находился мостъ, но вода снесла его, и мы должны были переправиться вбродъ. По лѣвой сторонѣ Цеи дорога стала значительно хуже и чѣмъ дальше, тѣмъ чаще встрѣчались крутые спуски и подъемы. Около одиннадцати часовъ мы прибыли въ Цейскій аулъ, расположенный на высокомъ косогорѣ лѣвой стороны долины, и рѣшили сдѣлать здѣсь непродолжительный привалъ.

Изъ аула открывался красивый видъ на верхнюю область долины. Нижняя часть Цейскаго ледника, выдвинувшаяся изъ ущелья, ограниченного высокими горами, была видна очень ясно;

совершенно отчетливо обрисовывался и большой ледяной гротъ, изъ котораго вытекаетъ Цея.

Отѣхавъ отъ аула верстъ пять, мы пошли на довольно красивую поляну. На ней стояла большая, четырехугольная хата въ родѣ сарая: это осетинская молельня Рекомъ. Снаружи, вдоль почти всѣхъ стѣнъ ея, находилась баррикада изъ турыхъ и оленыхъ роговъ вмѣстѣ съ черепами или по-крайней-мѣрѣ съ лобной костью. Довольно много ихъ валялось и на крыщѣ молельни. Болѣе старые рога оленей отъ влиянія солнечнаго свѣта сдѣлались бѣлыми какъ снѣгъ. Около желѣзной двери молельни лежали куски разбитой стеклянной посуды и различныя мѣдныя вещи, не имѣющія, впрочемъ, особенной цѣнности. Часовня вмѣстѣ съ окружющей ее поляной считается у осетинъ болѣшою святынею, поэтому они приносятъ сюда въ жертву Богу разныя вещи. Туры и олени рога доставляются, конечно, охотниками. Существуетъ даже обычай непремѣнно приносить къ часовнѣ рога первого оленя или тура, убитаго начинающимъ охотникомъ, и такъ-какъ эти рога считаются неприкосновенными, то здѣсь ихъ накопилось огромное количество, по всей вѣроятности, не менѣе пятисотъ или шестисотъ паръ.

Осетины всѣми силами стараются не допускать въ молельню постороннихъ. Съ этой цѣлью они увѣряли меня, что человѣкъ, вошедший туда не по дѣлу, а изъ простого любопытства, можетъ не только ослѣпнуть, но даже умереть. Я зналъ, что въ молельнѣ находится много различныхъ вещей, монетъ и даже произведеній бронзоваго вѣка *), но, чтобы не оскорблять религиознаго чувства своихъ спутниковъ, долженъ былъ не входить въ нее; зато я съ удовольствіемъ принялъ тщательно осматривать богатую коллекцію роговъ. Пользуясь всякимъ случаемъ наблюдать туровъ, я давно замѣтилъ, что оба вида ихъ, т. е. Aegoceros Pallasii Rouill. и Capra Guld. не только представляются мало похожими другъ на друга, но имѣютъ даже совершенно различныя географическія

*) Въ Осетіи при раскопкѣ кургановъ и древнихъ могилъ находятъ очень много произведеній бронзоваго вѣка: бронзовыя и мѣдныя кольца, браслеты, ножи, копья, отлиты изъ красной мѣди изображенія олена, каменного барабана, тура и т. д. Такъ-какъ рядомъ съ этими вещами попадаются золоты, то осетины сами разрываютъ курганы и часть найденныхъ вещей относятъ въ Рекомъ. Въ Рекомѣ, впрочемъ, находятся и позднѣйшія произведенія рукъ человѣка—принадлежности христіанской церкви, напр., древніе образа, кадила и т. д.

асти распространения. *Aegoceros Pallasii*, загибомъ роговъ, болѣе длиннымъ хвостомъ и нѣкоторыми другими признаками напоминающей барановъ, живеть на Казбекѣ и на горахъ къ востоку отъ него. Здѣсь его область распространенія соприкасается съ областью распространенія Сарга *Aegagrus Gmel.*, наоборотъ, нальбрусъ и къ западу отъ него въ горахъ Кубанской области появляется только настоящій козель Сарга *Caucasica Guld.* Въ Рекомской баррикадѣ я не нашелъ ни одной пары роговъ этого послѣдняго вида; это, безъ сомнѣнія, доказываетъ, что въ верховьяхъ Ардона, Цеи и на Адай-хокѣ водится только *Aegoceros Pallasii*.

За Рекомской поляной дорога превратилась въ узкую, скверную тропинку, которая то вьется надъ кручами и обрывами, то тянется по такому густому лѣсу, что каждую минуту рискуешь изорвать платье или исцарапать лицо обѣ вѣтки. Тутъ значительную часть разстоянія мы были принуждены пройти пѣшкомъ.

Часа черезъ полтора или два тропинка привела на болѣе ровную площадь, лишенную растительности и заваленную камнями. Много бурныхъ потоковъ, на которые разбивается Цея, пересѣкали ее по всѣмъ направленіямъ. Съ западной стороны площадь замыкалась ледяной горой, составляющей нижній конецъ Цейского ледника. Около него были навалены груды камня; это старые морены довольно значительныхъ размѣровъ; чтѣ-же касается ледяного грота, который мы замѣтили еще изъ аула, т. е. верстъ за десять, то онъ оказался такимъ величественнымъ, какъ ни на одномъ изъ видѣнныхъ мною ледниковъ Кавказа. Онъ имѣлъ такие размѣры, что въ немъ помѣстился бы средней величины двухъ-этажный домъ; извилистые своды его состояли изъ прозрачнаго, голубовато-зеленаго льда, а по каменистому дну неслась быстрая, пѣнящаяся рѣчка. На поверхности ледника, составлявшей крышу грота, лежало много обломковъ скаль. Нѣкоторые изъ нихъ находились въ полувисачемъ положеніи и отъ того рѣдко проходило двѣ или три минуты, чтобы какой-нибудь изъ нихъ съ громкимъ шумомъ не летѣлъ внизъ; поэтому приближаться къ сводамъ грота было опасно. По опредѣленію Абиха, нижній конецъ Цейского ледника находится на высотѣ 6.575 футовъ надъ уровнемъ моря.

Такъ-какъ было уже не рано, и я не могъ разсчитывать обойти весь глетчеръ, то мнѣ оставалось познакомиться съ нимъ хотя въ общихъ чертахъ. Съ двумя своими спутниками - осетинами я пробрался къ лѣвой боковой моренѣ, где глетчеръ оканчивался довольно полого, и здѣсь началъ взбираться на ледъ. Съ

полчаса мы употребили для того, чтобы влезть на нижний, ~~сам~~ крутой уступъ, а затѣмъ попали на болѣе пологую поверхно-
съ которой была хорошо видна значительная часть ледника.

Путешествие по льду не представляло никакихъ затруднен-
Правда, намъ попадались глубокія и чрезвычайно красивыя трещи-
ны, но онѣ были такъ узки, что мы могли переходить черезъ нихъ
безъ всякаго труда. Кроме того, встрѣчались песчаные бугры и
колодцы. Послѣдніе имѣли просвѣщающія, ледяныя стѣнки и какъ
будто содержали вмѣсто воды какую-то голубовато-зеленую жид-
кость. На боковыхъ частяхъ глетчера лежали морены изъ чернаго
почти щебня; онѣ были, однако-же, гораздо меныше, чѣмъ на дру-
гихъ большихъ ледникахъ Кавказа. За моренами слѣдовали склоны
горъ, покрытые скучной растительностью; на нихъ паслись стада
овецъ, принадлежащія цейскимъ жителямъ. Величина ледника ока-
залась довольно значительной, именно: длина, вѣроятно, не менѣе
4 или 5 верстъ, при средней ширинѣ по-крайней-мѣрѣ въ полу-
версты. Поверхность его довольно ровная, за исключеніемъ самой
верхней части, граничащей съ фирномъ и находящейся въ юго-
западной сторонѣ.

Я очень жалѣль, что не взялъ съ собою теплаго платья и
привозіи и не могъ переночевать вблизи ледника, чтобы на слѣ-
дующій день болѣе тщательно осмотрѣть его. Это тѣмъ болѣе до-
садно, что на пятиверстной карте Кавказа Цейскій ледникъ обозначенъ
крайне неопределѣленно. На ней изображено къ Ю. и ЮВ.
отъ вершины Адай-хоча громадное, снѣжное или глетчерное поле,
уступающее по величинѣ развѣ только снѣжнымъ полямъ Эльбу-
са *); но, видѣвшіи Адай-хочъ съ разныхъ сторонъ, я сильно со-
мнѣваюсь въ томъ, чтобы это было справедливо. Цейскій ледникъ
питается снѣгами Адай-хоча и его отроговъ и принадлежитъ, безъ
сомнѣнія, къ наиболѣшімъ ледникамъ этой высокой горы.

Осмотрѣвъ долину Цеи, мы отправились вверхъ по Касар-
скому ущелью. Оно такъ-же узко и извилисто, какъ Нахазъ, но
ограничено съ боковъ гораздо болѣе высокими стѣнами, которыя
во многихъ мѣстахъ переходятъ даже за снѣжную линію. Большая
часть ихъ состоить изъ скаль красиваго, сѣраго, крупно-зернистаго
гранита, переходящаго часто въ гнейсъ. Касарское ущелье не
бѣдно и лѣсомъ, но онѣ растетъ по преимуществу на совершенно

*.) По опредѣленію Абиха, снѣжныя поля Эльбруса покрываютъ поверх-
ность почти въ 125 кв. верстъ.

недоступныхъ мѣстахъ. Кромѣ сосны, которая преобладаетъ надъ другими древесными породами, здѣсь встрѣчается клѣнъ, ольха, ясень, рябина, а изъ кустарниковъ—жимолость, смородина, малина, крыжовникъ и орѣшникъ. Орѣховъ особенно много около Св. Николая; здѣшняя малина мельче садовой, но ягодъ на каждомъ отдельномъ стеблѣ больше, иногда ихъ бываетъ до сотни. Чтѣ касается крыжовника, то онъ всегда мелкій, мохнатый, буроватаго цвѣта и сладкаго вкуса. Смородина ростомъ выше садовой, имѣть длинныя кисти и красновато-черныя ягоды; вообще она больше приближается къ черной, чѣмъ къ красной.

Разнообразная растительность привлекаетъ сюда много птицъ и звѣрей; по изобилію послѣднихъ, это ущелье считается лучшимъ мѣстомъ для охоты въ цѣлой Осетіи. Медвѣди, серны и туры (Aeg. Pallasii) встрѣчаются въ немъ очень часто, а скалы, чередующіяся съ участками лѣса, облегчаютъ скрадываніе осторожныхъ животныхъ. Касара снабжаетъ также лѣсомъ всѣ осетинскіе аулы, лежащіе по безлѣсному Мамиссоновскому ущелью.

Въ Касарскомъ ущельѣ впадаетъ съ лѣвой стороны въ Ардонъ небольшая горная рѣчка Эльса, которая, образуя безчисленное множество водопадовъ, съ шумомъ несется по короткой, но красивой лѣсистой долинѣ. Она вытекаетъ нѣсколькими бурными потоками изъ небольшихъ фирнъ-глетчеровъ, свѣшивавшихся съ крутыхъ скалъ въ ея верховьяхъ. Вдоль всего Касарского ущелья проходитъ Военно-Осетинская дорога. Она содержится въ такомъ отличномъ состояніи, что їзда по ней среди превосходныхъ горныхъ пейзажей можетъ считаться наслажденіемъ.

За Касарскимъ ущельемъ долина Ардона становится значительно шире. Граниты и гнейсы снова замѣняются аспиднымъ сланцемъ, который покрывается во многихъ мѣстахъ слоемъ почвы. Въ ней укореняются мелкія, травянистые растенія. Около аула Заромагъ эта долина расширяется еще болѣе и здѣсь къ ней присоединяются слѣдующія второстепенные долины: Нарская, Закинская, Табарзинская и Зруcksкая. По Нарской, а потомъ Закинской идетъ выючная дорога на Рокскій перевалъ, ведущій въ Тифлисскую губернію.

Не доѣзжая Заромагъ, мы увидѣли на дорогѣ соленый источникъ. Онъ былъ грязенъ и мутенъ до невозможности. Люди изъ него воды почти никогда не пьютъ, а только поятъ домашній скотъ, для котораго, по мнѣнію осетинъ, чистота нужна еще менѣе, чѣмъ для нихъ самихъ. Впрочемъ, здѣсь есть еще и другой,

также соленый, источникъ, считающійся цѣлебнымъ, водою кото-
рого пользуются и люди. Главное минеральное начало въ обоихъ
источникахъ—хлористый натрій.

Ауль Заромагъ состоить изъ двухъ частей, раздѣленныхъ
небольшимъ промежуткомъ. Верхняя часть расположена при не-
большой рѣчкѣ, берущей начало на южномъ склонѣ Кальпера.
Мѣстные жители называютъ ее Адай-комъ-донъ (комъ—ущелье,
донъ—рѣчка), считая такимъ образомъ Кальперъ не болѣе какъ от-
рогомъ одной изъ высочайшихъ горъ Кавказа—Адай-хоча (15.214
ф.). На пятиверстную карту эта рѣчка нанесена, но осталась безъ
названія. Мало мѣсть встрѣчать я на Кавказѣ, съ которыхъ быль-
бы такой великолѣпный видъ на сѣжныя вершины. Около самаго
аула тянется ущелье Адай-комъ; на верху оно замыкается высо-
кой, черной, зубчатой стѣной, по концамъ которой поднимаются
двѣ громадныя, правильныя пирамиды, похожія другъ на друга.
Онѣ состоять, главнымъ образомъ, изъ шифера почти чернаго цвѣ-
та, а на верху покрыты снѣгомъ. Изъ аула онѣ видны съ порази-
тельной ясностью и кажутся на разстояніи не болѣе часа ходьбы,
хотя на самомъ дѣлѣ едва-ли можно добраться до нихъ меныше,
чѣмъ въ полдня.

Съ южнаго склона Кальпера, обращеннаго къ Заромагу, спус-
каются три маленькихъ глетчера: Адай-комскій, Цхубегскій и
Арнагскій. Два послѣдніе хорошо видны изъ аула. По рассказамъ
мѣстныхъ жителей, всѣ они теперь стали гораздо меныше, и осо-
бенно сильное уменьшеніе произошло за послѣднія 25 или 30 лѣтъ.
Сами они указывали мнѣ на старыя морены, какъ на доказатель-
ство уменьшенія глетчеровъ. По словамъ заромагскихъ охотниковъ,
на склонахъ Кальпера и Адай-хоча встрѣчается много турровъ,
серни, горныхъ индѣекъ (*Tetraogallus caucasicus*) и горныхъ те-
теревовъ (*Tetrao Micosyevitzii*).

Отъ Заромагъ тянется узкое, почти лишенное скаль Мамис-
соновское ущелье, ведущее къ перевалу въ Кутаисскую губернію.
Хотя склоны его состоять также изъ аспиднаго сланца, но онъ
покрытъ порядочнымъ слоемъ почвы, въ которой могутъ укоре-
няться не только разнообразныя травы, но даже кустарники и
деревья. По правой сторонѣ рѣчки небольшія деревца образуютъ
даже сплошныя заросли, простирающіяся на нѣсколько верстъ.
Несмотря на значительную высоту надъ уровнемъ моря, здѣсь и
хлѣбныя растенія, за исключеніемъ лишь кукурузы и проса, раз-
водятся довольно успѣшно. Въ особенности хороший видъ имѣли

хлѣба около аула Сатата, версты на три выше Заромага, гдѣ они занимали довольно значительную поверхность и были очень правильно распланированы. Но страннымъ показалось мнѣ то, что, по рассказамъ жителей, ихъ посѣвы, расположенные между горъ на такой значительной высотѣ, часто страдаютъ отъ засухъ, которая въ послѣднія лѣта шесть стали особенно часты. Этому я не легко-бы повѣрилъ, если-бы самъ не имѣлъ случая убѣдиться, что въ настоящемъ (1882) году здѣсь цѣлыхъ полтора мѣсяца (съ 5 июня по 19 июля) не было ни одного дождя и что значительная часть хлѣбовъ совершенно погорѣла. Жители говорятъ, что только густые, ночные туманы поддерживаютъ кое-какъ растительность во время засухъ.

Въ часъ по-полудни мы пріѣхали въ аулъ Тибъ, ничѣмъ особыннмъ не замѣчательный. Здѣсь я отпустилъ своего проводника, взятаго въ Алагирѣ, и нанялъ другого, который вмѣстѣ съ парою верховыхъ лошадей за три рубля въ сутки поступилъ въ мое распоряженіе. Съ нимъ я долженъ былъ отправиться черезъ Мамиссоновскій переваль въ Они.

Въ Тибскомъ приходѣ, недалеко отъ селенія Калакъ, находится перемежающійся источникъ, называемый мѣстными жителями Хусагъ-донъ, т. е. спящій родникъ. Онъ иногда нѣсколько разъ въ день то перестаетъ течь, то снова начинаетъ. Осетины вѣрять, что посредствомъ его можно узнать праведнаго и грѣшнаго человѣка. Если человѣкъ просить Бога, чтобы вода въ Хусагъ-донѣ перестала течь и она перестанетъ, а потомъ по его-же молитвѣ снова потечетъ, то значитъ человѣкъ святой; въ противномъ-же случаѣ—грѣшный. Къ Хусагъ-дону собирается иногда много бого-мольцевъ и, какъ говорятъ, не только осетинъ, но даже изъ сѣдняго Рачинскаго уѣзда Кутаисской губерніи. Вода въ немъ чистая, хорошая.

За Тибомъ Мамиссоновское ущелье становится еще шире. Его даже нельзя назвать ущельемъ, такъ-какъ вмѣсто скаль оно окружено альпійскими лугами и пастбищами. Дорога здѣсь довольно круто поднимается вверхъ, а растительность съ каждой верстой становится все свѣжѣе и красивѣе. На правой сторонѣ ущелья по-прежнему тянутся лѣсныя заросли. Особенно свѣжую траву и множество красивыхъ цветовъ мы встрѣтили около такъ-называемаго прюта, т. е. казеннаго дома, построенного при Военно-Осетинской дорогѣ и служащаго пристанищемъ для проходящихъ и проѣзжающихъ. Здѣсь мы застали въ полномъ цвету красивую, съ розовыми

вѣнчиками *Betonica grandiflora*, большое количество розовой персидской ромашки (*Pyretrum roseum*), *Centaurea alpina*, генцианы (*Gentiana pyrenaica*, *G. verna* L. и *G. septenfida* Pall.), съ голубыми цветами *Scabiosa caucasica* M. B., очень красивый розовый *Orchis* sp.?, синеватаго цвета *Polygala vulgaris*, красивые колокольчики (*Campanula Adami* M. B. и *C. Biebersteiniana*), крупный *Linum hirsutum*, *Sedum spurium* M. B., *Cephalaria tatarica*, очень душистый *Thymus* и еще много другихъ растеній, отличающихся сочностью и яркой окраской цветовъ. Чѣдъ касается розовой персидской ромашки, то она встрѣчается въ такомъ изобилии, что грузины специально за нею приходятъ сюда и покупаютъ сущеные цветы и плоды по три или по три съ половиною рубля за пудъ. Замѣчательно, что осетины совершенно не знаютъ ея употребленія, а между тѣмъ имъ она была-бы не бесполезна. Хлѣбныя растенія доходятъ здѣсь до высоты слишкомъ семи тысячъ футовъ *) и около самаго пріюта я видѣлъ еще довольно сносный ячмень. Мелкихъ птичекъ по лугамъ и полямъ намъ попадалось также не мало. Мы часто видѣли каменныхъ чекановъ (*Saxicola oenatae* и *S. aurita*) и луговыхъ (*Pratincola rubetra*), красногрудку (*Pyrigula crytryna*), овсянку (*Emberiza cia*) и горнаго вьюрка (*Petrofringilla alpicola*, *Fringilla nivalis* Briss.), а на высотѣ не менѣе 7.000 ф. слышали крикъ перепела.

Къ пріюту мы пріѣхали передъ вечеромъ и здѣсь нашли двухъ осетинъ, на которыхъ лежитъ обязанность прислуживать проѣзжающимъ. Они зажарили намъ баранины, сварили яицъ и согрѣли для чая воды. Когда намъ пришлось расплачиваться, то оказалось, что однимъ изъ дорогихъ предметовъ у нихъ считаются дрова, почему была выставлена отдельная плата за щепки, на которыхъ варили яица, согрѣвали воду. Это объясняется тѣмъ, что за лѣсомъ имъ приходится ходить очень далеко. Зимой, во время мятежей, эти сторожа должны днемъ и ночью звонить въ колоколь, чтобы заблудившіеся путники могли по звуку его отыскать пріютъ. Расположенъ пріютъ на высотѣ болѣе 7.000 футовъ.

Чтобы лучше разсмотрѣть окрестности этого мѣста, я взобрался на небольшую гору, находящуюся съ правой стороны дороги. Отсюда хорошо видна была громадная, скалистая, остроко-

*) По ущелью Фиагъ-донъ, находящемуся также въ Осетии, хлѣбныя поля доходятъ до 8.100 футовъ надъ уровнемъ моря („Задачи климатологии Кавказа“. Статковскаго, стр. 79).

нечная гора, на которой, вслѣдствіе большой крутизны ея склоновъ, снѣгъ лежалъ только небольшими ключками. Это Тепли, имѣющая 14.510 футовъ высоты. Для осетинъ вершина ея представляеть нечто таинственное. Они говорять, что взойти на нее невозможно: каждый, попытавшійся сдѣлать это, наказывается слѣпотой. Кромѣ Тепли, съ этого мѣста были хорошо видны горы, расположенные на Ю. и ЮВ. и служащія водораздѣломъ бассейновъ Ардона и Ріона. Ихъ три пика (Халада, Тбильса и Налаури*), находящіеся недалеко другъ отъ друга, также достигаютъ очень значительной высоты. Они покрыты довольно большими снѣжными полями, но совершенно лишены глетчеровъ.

На слѣдующее утро мы отправились дальше по Мамисоновскому ущелью. Съ обѣихъ сторонъ дорогу окружали альпійскія пастбища, по которымъ бродили стада овецъ и рогатаго скота. Скаль вблизи не было вовсе; но зато часто попадались топкія котловины; на нихъ въ изобиліи росла Caltha palustris съ большими круглыми листьями и другія растенія, свойственные влажной почвѣ. Верстахъ въ двухъ отъ перевала мы проѣзжали мимо двухъ маленькихъ глетчеровъ, отстоящихъ сажень на 200 отъ дороги. Большій изъ нихъ образовался изъ двухъ ледяныхъ потоковъ. Несмотря на незначительную величину, этотъ глетчеръ имѣть порядочныя морены сравнительно недавнаго происхожденія. Оба глетчера, составлявшіе прежде одно сплошное ледяное поле, раздѣлены теперь узкимъ промежуткомъ, занятымъ ихъ боковыми моренами. Изъ внимательнаго осмотра мѣстности можно было опредѣлить, какой величины эти глетчера достигали въ прежнія времена. Въ самомъ дѣлѣ, на разстоянії полуторы версты отъ концовъ ихъ находятся два вала изъ каменныхъ обломковъ, почти совершенно покрытыхъ почвой. По виду и положенію нельзя было не угадать въ нихъ конечныхъ моренъ, образовавшихся много лѣтъ тому назадъ. Изъ обоихъ глетчеровъ вытекаетъ небольшая рѣчка, впадающая въ Мамисонъ-донъ.

Въ $9\frac{1}{2}$ часовъ утра мы были на самъмъ перевалѣ, который называется Мамисоновскимъ или Чанчахи и возвышается на 9.300 ф. надъ уровнемъ моря. Отъ Алагира до перевала намъ пришлосьѣхать по Военно-Осетинской дорогѣ. Вся она находится въ такомъ исправномъ состояніи, что по ней безъ малѣйшаго затрудненія можно было проѣхать въ любомъ экипажѣ. Снѣгъ на дорогѣ ле-

*) Названія заимствованы изъ патнверстной карты.

жаль только въ одномъ мѣстѣ, притомъ на пространствѣ не больше двадцати шаговъ. На гребнѣ, составляющемъ перевалъ, мы видѣли много альпійскихъ воронъ (*Fregilus graculus*), вороновъ и двухъ или трехъ бѣлозобыхъ дроздовъ (*Merula torquata L.*), а растительность состояла изъ приземистыхъ злаковъ, да изрѣдка попадались еще колокольчики и камнеломки (*Saxifraga*).

II.

Южный склонъ. — Кадисаръ. — Богатая растительность. — Долина Чанчахи. — Лѣсъ. — Деревня Глоли. — Рачинцы и евреи. — Они. — Геби. — Долина Зопхетури. — Ледники.

Съ перевала нашимъ взорамъ открылась новая картина. Мы увидѣли безчисленные горные хребты и лѣсистыя долины Закавказского края. Пересѣкаясь по всевозможнымъ направленіямъ, они представляли такую чудную сѣть, отъ которой долго невозможно было оторвать глазъ. Яркой зеленою и богатствомъ лѣсовъ они рѣзко отличались отъ долинъ и хребтовъ сѣверного склона. Съ вершины перевала съ шумомъ скатывались безчисленные ручьи, изъ которыхъ образуется рѣчка Чанчахи, съ большой стремительностью несущая въ Ріонъ свои мутныя воды по глубокому, лѣсистому ущелью. Хотя и здѣсь во многихъ мѣстахъ видѣть скѣгъ, а съ перевала спускается даже небольшой, пересѣченный трещинами и окруженный маленькими моренами, глетчеръ, но живительное и благотворное влияніе юга чувствуется тутъ съ каждымъ шагомъ все сильнѣе и сильнѣе. По множеству быстрыхъ ручьевъ, текущихъ по всѣмъ направленіямъ, по приземистой травѣ съ разными цветами перевалъ представлялъ совершенную картину весны. Но едва мы проѣхали версты двѣ или три, какъ увидѣли лѣто въ полномъ разгарѣ. Мы спускались по правой, обращенной къ солнцу, сторонѣ ущелья, и вся она представляла роскошный цветникъ. Везде были видны пышныя и ярко окрашенныя гвоздики, красные и бѣлые розы, генцианы, колокольчики, скабіозы, розовый линумъ и множество другихъ цветовъ, между которыми росли кусты ма-лины, смородины и ежевики.

Замѣчательно быстро менѣялись картины растительности по мѣрѣ того, какъ мы спускались внизъ. На сѣверномъ склонѣ нужно проѣхать отъ перевала версты двадцать, чтобы увидѣть лѣсъ,

а здѣсь, верстахъ въ двухъ отъ перевала, на высотѣ не менѣе $8\frac{1}{2}$ тысячи футовъ надъ уровнемъ моря, притомъ на покатости, обращенной къ сѣверу, уже были березовые заросли, а немного ниже тянулись густые, темнозеленые еловые и пихтовые лѣса; чтѣ-же касается солнечной стороны, то тамъ елей и пихтъ почти не было, зато всюду росъ клёнъ, вязъ (карагачъ), рябина, орѣшникъ, сосна и т. д. Верстахъ въ двухъ отъ перевала начали попадаться ящерицы (*Lacerta muralis Laur.*), а еще ниже онѣ сновали всюду, какъ по травѣ, такъ и по скаламъ. Нужно замѣтить, что долина Чанчахи закрыта почти со всѣхъ сторонъ, поэтому имѣеть сравни-тельно теплый климатъ и богатую растительность. Въ этомъ отно-шении она далеко превосходитъ другія долины верховьевъ Риона или, напр., долину Арагвы по Военно-Грузинской дорогѣ.

Пастбищная полоса, находящаяся непосредственно подъ Мамисоновскимъ переваломъ, известна подъ именемъ Кадисара (на картѣ Кадисарь обозначенъ на Осетинской сторонѣ). Это мѣсто принадлежитъ жителямъ небольшого селенія Глоли, расположеннаго на правомъ берегу Чанчахи *). По богатству растительности и отсутствію мухъ она представляеть очень удобное мѣсто для пастьбы скота. Дѣйствительно, осетины не только изъ ближай-шихъ ауловъ, но иерѣдко даже съ плоскости пригоняютъ сюда своихъ барановъ, и жители Глоли, какъ разсказывали мнѣ, из-влекаютъ изъ этого источника порядочный доходъ.

Къ сѣверу отъ Мамисоновского перевала возвышаются двѣ горы: Чанчахи и Буби. Съ послѣдней спускается узкій, но до-вольно длинный глетчеръ. Изъ-подъ него вытекаетъ рѣчка Буби. Дорога съ перевала идетъ зигзагами, быстро спускаясь внизъ. Она такъ плоха, что во многихъ мѣстахъ по ней не безопасноѣхать верхомъ, а обѣ ѿздѣ въ экипажахъ не можетъ быть и рѣчи. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ перевала находится мѣстечко Гуршеви. Здѣсь по мостику мы перѣхали на лѣвый берегъ Чанчахи. Въ Гуршеви поселилось нѣсколько дворовъ осетинъ. Они, по словамъ моего проводника, платятъ жителямъ Глоли по десяти рублей въ годъ отъ семьи.

Тотчасъ за Гуршеви дорога входитъ въ лѣсъ, величествен-

*) Чанчахи, вытекая изъ самого перевала, направляется почти прямо на западъ. Глубокое ущелье ея съ обѣихъ сторонъ окружено очень высокими горами, съ которыхъ стекаютъ въ Чанчахи всѣ воды. Вслѣдствіе этого Чанчахи скоро превращается въ большую рѣчку. На пятиверстной карте она никакъ не на-звана. Противъ горы Шода она впадаетъ въ Риона.

нѣе и очаровательнѣе котораго трудно себѣ что-либо представить. Громадныя вѣковыя ели и пихты, похожія скорѣе на исполинскія колонны, чѣмъ на обыкновенныя деревья, здѣсь видны по всѣмъ направлѣніямъ. На большей части своей высоты онѣ покрыты густыми вѣтвями, съ которыхъ свѣшиваются въ видѣ бороды сиро-зеленые лишайники. Многіе изъ этихъ великановъ достигаютъ трехъ, даже трехъ съ половиною обхватовъ толщины (почти сажень въ діаметрѣ). Рядомъ съ ними стоять не менѣе величественныя буковыя деревья (*Fagus sylvatica L.*, чинарь), прямой и гладкій стволъ которыхъ до высоты сажень десяти или двѣнадцати не имѣеть ни одной вѣтви. Молодыхъ деревьевъ въ этомъ лѣсу, сравнительно, весьма немного. Почва въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрыта красивыми папоротниками, высотою почти въ ростъ человѣка и кустарниками, какъ, напр., падубомъ (*Plex aquifolium*) съ твердыми, блестящими листьями, и вьющеюся жимолостью съ бѣлыми и розовыми цвѣтами; въ другихъ-же мѣстахъ лѣса на ней нѣть ничего, кроме самой мелкой травы и мягкаго, влажнаго мха. Тутъ особенно красиво выступаютъ безконечныя колоннады исполинскихъ деревьевъ, въ вѣчный полуумракъ которыхъ не проникаеть ни одинъ лучъ солнца. Почти полное безмолвіе, царствующее въ такихъ мѣстахъ, только изрѣдка прерывается стукомъ дятла, чириканьемъ маленькой сирой славки или, наконецъ, только по временамъ доносящимся шумомъ какого-нибудь большого горного ручья.

Слоны долины съ высокими отвѣсными вершинами сплошь покрыты этимъ лѣсомъ; его-же стройныя деревья образуютъ прелестную, зеленую арку надъ рѣкою Чанчахи.

Изъ царства звѣрей въ лѣсахъ Чанчахи водится больше всего медвѣдей; попадаются волки и куницы, а кабановъ и оленей нѣть вовсе. Выше границы лѣсовъ живутъ еще серны и туры.

Часа за два до наступленія вечера мы приѣхали въ Глоли. Это маленькая деревушка, имѣющая всего около тридцати дворовъ. Расположена она при впаденіи въ Чанчахи небольшой рѣчки Бокой-Цхале *). Глоли имѣть очень живописная окрестности: на западѣ возвышается большая гора Шода (11.128 фут.) **) съ широкимъ основаніемъ и притупленной вершиной, покрытой снѣжными полями. Она совершенно отдѣлена отъ прочихъ горъ глубоки-

*) На пятиверстной картѣ ей не дано названія.

**) На пятиверстной картѣ она неправильно названа „Шоба“.

ми рѣчными долинами и до половины высоты покрыта лѣсомъ. На востокѣ видна другая высокая гора Чанчахи, а на сѣверѣ и югѣ — съюзныя долины, заросшіе хвойными и лиственными лѣсами. Нижняя часть долинъ, около самой деревни, засыпана хлѣбами. Украшеніемъ Голи служатъ еще болѣе, тѣнистые орѣхи (*Juglans regia*). Около Голи находится углекислый источникъ, содержащий желеzo, а нѣсколько выше, на склонахъ, двѣ башни и развалины церкви. Немногочисленное населеніе Голи состоитъ исключительно изъ имеретинъ (рачинцевъ).

Маленькая Бокой-Цхале, о которой уже упоминалось, несетъ очень мутную, холодную воду. Это, конечно, указываетъ на ея начало изъ глетчера. Дѣйствительно, по рассказамъ местныхъ жителей, въ верховьяхъ ея есть трудно-доступный глетчеръ, ширину сажень въ 100 и длиною версты въ двѣ.

Въ день нашего приѣзда въ Голи бытъ зарѣзанъ буйволъ, сломавшій себѣ ногу при паденіи съ горы. Казнь его была торжественно совершена на улицѣ и адѣль-же распродавалось желающими его мясо. Сначала все шло благополучно, но вдругъ изъ-за чего-то поднялся шумъ; очевидно, покупатели и продавцы не поладили другъ съ другомъ. Вскорѣ шумъ превратился въ драку, въ которой приняли участіе всѣ присутствовавши. Я опасался, какъ бы въ ходъ не были пущены ножи, которыми рѣзали мясо, или кинжалы, и дѣло не завершилось бы кровопролитіемъ; но оказалось, что драка кончилась такъ-же быстро, какъ и началась, и ничѣмъ особымъ не сопровождалась, а полчаса спустя бывшіе враги разговаривали такъ, какъ будто-бы между ними ничего не произошло.

Часть мяса буйвола съ вечера была распродана, поэтому осталась до утра на улицѣ подъ большими тѣнистыми орѣхомъ. Ночью хозяинъ буйвола долженъ былъ вести непрерывную войну съ собаками Голи. На слѣдующее утро я снова былъ разбуженъ страшнымъ шумомъ. Оказалось, что около буйвола опять началась схватка. Она продолжалась по-прежнему очень не долго, и послѣ нея враждовавшія партии снова мирно разговаривали, сидя на травѣ и пекуривая трубки. Я спросилъ потому одного изъ жителей Голи, какимъ образомъ его собратья могутъ, подобно дѣтямъ, въ геченіе нѣсколькихъ минутъ иссориться, подрасти и снова подружиться. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что скоры, подобный только-что случившійся, у нихъ бываютъ чуть не каждый день и считаются такимъ обыкновеннымъ дѣломъ, за которое и не стоять долго сердиться!

Вообще рачинцы, какъ кажется, народъ добродушный и бесчеснѣй, но, безъ сомнѣнія, болѣе трудолюбивый, чѣмъ, напр., мингрельцы или гурдѣцы. Къ этому ихъ принуждаѣтъ, конечно, болѣе суровая природа горъ, среди которыхъ они живутъ.

Въ негостепріимствѣ ихъ также упрекнуть нельзя. Всѣ тѣ, у которыхъ мнѣ приходилося останавливаться, принимали меня очень любезно. Въ особенности добродушныи и любезныи оказался старшина аула Геби—Лазаре Лобжанидзе, сѣдой старикъ лѣтъ шестидесяти. Онъ угождалъ меня, чѣмъ только могъ; принесъ между-прочимъ большой кувшинъ имеретинскаго вина и предлагалъ много тостовъ за мое здоровье, за благополучное окончаніе моего путешествія и т. д. Здѣсь я въ первый разъ замѣтилъ пристрастіе рачинцевъ къ тостамъ. Они пьютъ за здоровье не только всѣхъ гостей и хозяина, но даже прислуги, напр., мальчика, который наливаетъ вино или подаетъ кушанья. Другой рачинецъ, простой духавщикъ, пріятель моего проводника, не хотѣлъ брать деньги за взятое у него вино не только со своего знакомаго, но даже и съ меня. Очень не понравился мнѣ лишь одинъ мой проводникъ, который своею, самой неискусной, безстыдной лестью наставилъ мнѣ до невозможности.

Въ Тифлисѣ рачинцы слывутъ за хорошихъ работниковъ (преимущественно плотниковъ), но тѣмъ не менѣе вполнѣ трудолюбивыи народомъ ихъ едва-ли можно назвать. Проехавъ черезъ ихъ селенія, даже въ непраздничный день, рѣдко увидишь тѣнистый орѣхъ, подъ которымъ не спало-бы или не валилось нѣсколько сыновъ Рачи.

Мужчины рачинцы одѣваются въ обще-кавказскій костюмъ—черкеску. Особенно красивыя лица я между ними встрѣчалъ рѣдко, но зато дѣвушки много очень хорошенъкихъ. Онѣ имѣютъ правильныи черты лица, темные глаза и волосы, нѣжную кожу и прекрасный румянецъ на щекахъ.

Совершенную противоположность рачинцамъ составляютъ евреи, успѣвшіе уже завести здѣсь духаны и лавочки и, безъ сомнѣнія, вымогающіе послѣдніе грозди у бѣднаго мѣстнаго населения. Мнѣ самому пришлось убѣдиться въ ихъ алчности. Въ деревенькѣ Уцера я обратился къ еврею за хлѣбомъ и самоваромъ. За каждую пышку изъ плохого тѣста, вѣсомъ никакъ не болѣе $\frac{1}{4}$ фунта, онъ взялъ по десяти конѣкъ, а за самоваръ, который мы разогрѣвали своими углеми, продержали не болѣе сорока минутъ и потомъ сами отнесли ему,—сорокъ конѣкъ. Конечно, за это

етъ бытъ — и весьма основательно — выруганъ. Замѣчательно, какъ сильно успѣло племя израилево здѣсь размножиться. Въ Они, сбывающемся центръ Рачинскаго уѣзда, всѣ лавки принаадлежать евреямъ, и они, вѣроятно, составляютъ не менѣе половины насѣженія этого городка.

Изъ Глоли я отправился въ Они, чтобы тамъ, при посредствѣ уѣзднаго начальника, найти себѣ проводника для путешествія къ верховьямъ Риона. Мы снова перѣхали на лѣвый берегъ Чанчахи и попали въ тотъ дремучій лѣсъ, о которомъ я уже говорилъ раньше. Въ немъ и здѣсь преобладали вѣковыя ели и пихты. Пройхавъ верстъ пять, т. е. до того мѣста, гдѣ Чанчахи впадаютъ въ Рионъ, мы продолжали путь вдоль его лѣваго берега. Въ нѣсколькохъ верстахъ отсюда хвойныя деревья начали мало-по-малу уступать мѣсто болѣе мелкимъ лиственнымъ; все чаще и чаще попадалось *Clematis vitalba* — красивое, вьющееся растеніе съ бѣлыми цветами — и особая разновидность ежевики (*Rubus fruticosus*, L.) съ колючимъ, угловатымъ стеблемъ, толщиною почти въ палецъ и высотою болѣе, чѣмъ въ ростъ человѣка. Еще нѣсколько ниже, на открытыхъ мѣстахъ, были уже виноградники, каштаны также встрѣчались, но изрѣдка. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ черезъ Рионъ строился новый мостъ, мы увидѣли небольшой минеральный источникъ. Чистая, холодная вода его оказалась насыщенной угольной кислотой и имѣла такой пріятный вкусъ, что мы нѣсколько разъ принимались пить ее.

Настоящая дорога, проложенная съ правой стороны Риона и составляющая продолженіе Военно-Осетинской, была размыта водою; поэтому намъ пришлось пробираться съ лѣвой стороны рѣки, по едва раздѣланной тропинкѣ. Она то извивалась по густому лѣсу, то тянулась подъ отвесными скалами, и была такъ узка, что приходилось много разъ слѣзать съ лошади, чтобы не цѣпляться за скалы или деревья. Мѣстахъ въ двухъ или трехъ на ней черезъ глубокіе овраги были перекинуты сдѣленные изъ плетня мостики, которые не только гнулись и трещали, когда проходила по нимъ лошадь, но и легко могли обломиться.

Передъ Они долина Риона дѣлается значительно шире; вдоль береговъ его тянутся только кустарники и маленькие лѣски, а вдѣль по склонамъ горъ видныются крупныя сосны; поляны и вообще открытые мѣста заняты хлѣбными полями и виноградниками. Ихъ покрываетъ также гораздо бѣлье, чѣмъ въ скалистыхъ ущельяхъ или дремучихъ лѣсахъ. Тутъ летало много черныхъ

дроздовъ, сорокопутовъ (*Lanius collurio*), овсянокъ (*Emberiza cia*),
славокъ, жалыхъ писокъ и соекъ.

Въ 10 часовъ утра мы приѣхали въ Они. Оно имѣть видъ большого, богатаго села и расположено на лѣвомъ берегу Риона, нѣсколько ниже слиянія его съ Сакаурой. Значительная часть домовъ Они деревянные, одно-этажные, но есть нѣсколько каменныхъ, двухъ-этажныхъ. Въ самомъ Они и его окрестностяхъ разведено много виноградниковъ. На лѣтнее время въ Они приѣзжаютъ изъ Кутаиса многія семейства, чтобы подышать болѣе свѣжимъ и здоровымъ воздухомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, впрочемъ, отправляются еще дальше и поселяются въ Утсори. Несмотря на близость горъ и довольно значительную высоту (2,750 ф.) надъ уровнемъ моря, въ Они бываетъ иногда очень жарко. Миѣ, напримѣръ, пришлось пробыть здѣсь нѣсколько часовъ и я изрядно помучился отъ жары. Это, впрочемъ, отчасти можно приписать и тому, что передъ приѣздомъ сюда я довольно долго пробылъ въ горахъ и успѣхъ привыкнуть къ болѣе прохладному воздуху. Но сильнѣе всего не понравилось мнѣ Они тѣмъ, что оно переполнено евреями. Изъ лавченокъ, духановъ, изъ оконъ домовъ, словомъ отовсюду выглядываютъ еврейскія физіономіи, а на улицахъ копошится такое множество дѣтей, что, право, можно удивляться плодовидности этого племени.

Въ Они я засталъ только помощника уѣзднаго начальника, всѣ-же прочія власти отправились тушить лѣсные пожары, которые вслѣдствіе продолжительной засухи пріняли угрожающіе размѣры и требовали рѣшительныхъ мѣръ *). Помощникъ уѣзднаго начальника, прочитавъ открытый листъ, выданный мнѣ по просьбѣ Кавк. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общества изъ Главнаго Управления Кавказомъ, сказалъ, что въ цѣломъ Рачинскомъ уѣздѣ, если только исключить Они, едва-ли найдется десять человѣкъ, которые будутъ въ состояніи прочитать этотъ листъ, и предложилъ мнѣ другой, отъ своего имени, написанный на грузинскомъ языкѣ. Я, конечно, съ удовольствіемъ принялъ его предложеніе и потому въ душѣ нѣсколько разъ благодарили судьбу за новый документъ, и теперь, на основаніи собственнаго опыта, совсѣмъ, отправляющімся въ Рачу, Сванетію или другія подобныя мѣста, запасаться открытыми предписаніями непремѣнно на мѣстномъ языкѣ,

*) Пожары были въ двухъ мѣстахъ: въ одномъ горѣли лѣса частными изѣльцами, въ другомъ—казенными.

иначе ихъ не сумѣеть прочитать ни одинъ писарь. Что касается проводника, то помощникъ уѣздиаго начальника посовѣтовалъ мнѣ взять его въ Геби, находящемся на нашемъ пути къ верховьямъ Ріона и отстоящемъ отсюда верстъ на 30. Такъ-какъ дорогу до Геби зналъ мой проводникъ, осетинъ Муссирабей, то мы могли добраться туда безъ затрудненія.

Часа за три до наступленія вечера, когда жара начала по-чѣмногу спадать, мы отправились обратно вверхъ по Ріону съ тѣмъ, чтобы переночевать въ небольшомъ селеніи Уткори (на карте Уцера), отстоящемъ отъ Они верстъ на двѣнадцать. Здѣсь мы отыскали нѣчто въ родѣ постоялаго двора и заняли въ немъ небольшую комнату.

Уткори расположено на правомъ берегу Ріона и имѣть красивыя окрестности. Я уже говорилъ, что сюда многіе прѣѣжаютъ лечиться свѣжимъ, горнымъ воздухомъ. Нужно замѣтить, что это мѣсто расположено на высотѣ слишкомъ 3,000 ф. надъ уровнемъ моря и потому имѣть болѣе чистый, прохладный воздухъ, чѣмъ Они. Кроме того, верстахъ въ двухъ отъ Уткори, по лѣвому берегу Ріона, есть углекислый источникъ, цѣбельные свойства которого очень превозносятся туземцами. Недалеко отсюда находится и толь содергажаї желѣзо ключъ, о которомъ я уже говорилъ. Если прибавить, что Уткори окружено лѣсами, что въ Ріонѣ, около самой деревни, хорошо купаться,—то, конечно, станетъ очевиднымъ, что адѣсь каждый, сколько-нибудь любашій природу, съ удовольствиемъ можетъ прожить лѣтомъ недѣли 3—4. Не малымъ украшеніемъ Уткори служатъ еще вѣсколько огромныхъ, тѣнистыхъ ореховъ, растущихъ внутри селенія.

Едва только мы успѣли сложить свои вещи въ комнатѣ, какъ къ намъ явилось нѣсколько хорошенькихъ имеретинскихъ дѣвочекъ, предлагавшихъ купить у нихъ свѣжаго коровьяго масла и травы для лошадей. Нужно замѣтить, что въ Уткори пахатныхъ и сѣновосныхъ мѣсть крайне мало, выгона для скота почти нѣть, поэтому, останавливалась здѣсь, нельзя пустить лошадей на подножный кормъ, какъ это всегда дѣлается въ аулахъ, а нужно покупать для нихъ траву. Дѣти, въ особенности дѣвочки, пользуясь этимъ, рвутъ ее на поленахъ, связываютъ въ пучки немногого менѣе обыкновенного снопа хлѣба и продаютъ по пяти копѣекъ каждый. За небольшую тарелку масла они просили десять коп. Отчасти по необходимости, а отчасти изъ нежеланія отказывать хорошенькимъ продавщицамъ, я купилъ у нихъ того и другого.

Утромъ на слѣдующій день мы отправились въ путь и пошли до мѣста впаденія Чанчахи въ Ріонъ должны былиѣхать по здѣшней уже намъ дорогѣ. Но тутъ она раздѣлилась: на В. по долинѣ Чанчахи шла дорога на Мамиссоновскій перевалъ, а на ССЗ.— въ Чюра, Геби и вообще къ верховьямъ Ріона, т. е. къ тѣмъ мѣстамъ, куда я теперь стремился. Здѣсь нашть путь пролегалъ то по прекраснымъ хвойнымъ лѣсамъ, то по большиимъ, красивымъ полянамъ, на которыхъ росли рѣдкія, но очень почитаемыя разнѣровъ сосны. Около полудня мы выѣхали на болѣе открытую мѣстность, гдѣ Ріонъ разбивается на множество отдѣльныхъ потоковъ и вмѣстѣ съ находящимися между ними островами занимаетъ полосу шириной не менѣе полуверсты. Все это пространство покрыто окружденными рѣчными валунами и лишено всякой растительности. На дѣвомъ берегу рѣки виднѣлась деревня Чюра, но она осталась у насъ въ сторонѣ. Проехавъ еще версты четыре, мы достигли тога мѣста, гдѣ долина становится еще шире, а Ріонъ, сильно разлившись, дѣлается такъ мелокъ, что черезъ него безъ особеннаго труда перебираются даже пѣшеходы. Здѣсь, на высотѣ 4.540 футовъ, стоятъ Геби.

Это—довольно людное селеніе, большая часть домовъ кото-
рого расположена на высокомъ, лѣвомъ берегу Ріона, недалеко
отъ впаденія въ него Чешуры. Въ самомъ селеніи въ Ріонъ впадаетъ еще небольшая рѣчка Лоткашур. Изъ Геби открывается очень красивый видъ на долину Чешуры, большая часть которой покрыта непрерывными, внизу лиственными, а вверху хвойными лѣсами. Скаль въ ней почти не видно. На СВ. эта долина замыкается высокой, красивой горой съ плоскостью, шириной, покрытой обширными снѣжными полами, съ которыхъ спускается внизъ нѣсколько небольшихъ глетчеровъ. Туземцы называютъ эту гору «Штала».

Въ теченіе лѣта черезъ Геби и теперь проходитъ не мало пѣшеходовъ, пробирающихся съ одной стороны Кавказскаго хребта на другую; въ прежнія же, болѣе воинственные времена, вѣро-
ятно, здѣсь пробирались цѣлый партизанъ и тогда Геби имѣло важное стратегическое значение. Дѣйствительно, Геби господствуетъ почти надъ всѣми долинами верховьевъ Ріона и чрезъ него проходить одна дорога вдоль Ріона на Сѣверный Кавказъ, въ Балкарію, другая—по долинѣ Чешуры *), также черезъ Главный хребетъ, въ

*) Чешура вытекаетъ изъ Главного хребта.

Осетию, изъ верховьями Уруха, а недалеко отъ него, черезъ Чюра, еще третья дорога, также въ Осетию. Находясь на такомъ перепутьи, Геби, вѣроятно, не рѣдко подвергалось нападенію шакъ разбойниковъ, пробиравшихся съ Сѣвернаго Кавказа или другихъ мѣстностей въ Грузию. Основательность такого предположенія подтверждается и тѣмъ, что внутри селенія до-сихъ-поръ сохранилось 5 каменныхъ, крѣпкихъ башенъ съ амбразурами для ружей. Если-бы во время нападенія въ каждую изъ нихъ засѣло по 10 или 15 храбрыхъ воиновъ, то они могли-бы, направляя ружейный огонь во всѣ стороны, удобно обстрѣливать улицы деревни и наносить такимъ образомъ сильный уронъ шайкѣ грабителей въ родѣ сваиетовъ или мусульманъ Сѣвернаго Кавказа. Теперь, конечно, прошли безвозвратно времена такихъ нападеній, жители Геби превратились въ мирныхъ поселянъ, а башни служатъ только притономъ огромному количеству стрижей (*Cypselus apus*). Окрестности Геби очень богаты лѣсомъ; около самаго селенія, вдоль береговъ Риона, есть достаточно мѣста и для посѣва хлѣбовъ, такъ-что положеніе жителей Геби довольно сносное. Только зимою, когда здесь выпадаютъ такие снѣга, которые засыпаютъ избы до самой кровли, имъ приходится терпѣть не мало.

Пріѣхавъ въ Геби, мы остановились въ канцеляріи*), помѣщающейся въ двухъ-этажномъ домѣ, въ самой срединѣ селенія. Здесь была небольшая комната, предназначенная, между-прочимъ, и для проѣзжающихъ. Въ ней стояла деревянная кровать и единственная скамейка, а на полу лежала масса сору и пыли. Въ канцелярію, на второй этажѣ, вела лѣстница изъ шиферныхъ плитъ, но ступени ея были такъ высоки и скользки, что ходить по нимъ было едва-ли не опаснѣе, чѣмъ по иному глетчеру. Черезъ пол-часа послѣ нашего пріѣзда явился къ намъ почтенный старшина селенія, Л. Лобжанидзе. Поговоривъ съ нимъ немного, я попросилъ его найти мнѣ проводника и пособить добыть на дорогу мясной провизіи. Вскорѣ, по его приказанію, къ крыльцу канцеляріи пріѣхали небольшое стадо козъ для того, чтобы я самъ выбралъ одну изъ нихъ. Хозяинъ потребовалъ за нее 2 руб. 20 коп. Передъ нашими отѣздомъ изъ Геби она была зарѣзана, раздѣлена на части и уложена въ переметные сумы. Къ этому времени явился и новый проводникъ, житель Геби. На мой вопросъ, сколько дол-

*.) Въ Рачинскомъ уѣздѣ, равно какъ и въ Осетии, канцеляріей называются дѣла, гдѣ собираются селскіе сходы и сельской власти.

жень и платить ему, старшина отвечалъ, что я могу пользоваться имъ бесплатно, какъ служаниемъ; но въ такомъ случаѣ онъ, не имѣя своей лошади, долженъ будетъ идти за маги нѣнкомъ. Тогда я подожилъ ему два рубля въ сутки, съ условіемъ пакать на эти деньги и лошадь. Такимъ решеніемъ онъ, повидимому, былъ очень доволенъ. Мой прежний проводникъ, Муссирбей, тоже остался при мнѣ; такимъ образомъ мы должны были отправиться втроемъ.

Хотя нашъ новый спутникъ явился въ то время, когда оставалось только часа полтора до наступленія сумерекъ, и сокѣточно намъ ночевать въ Геби; но я рѣшилъѣхать съ вечера, во-первыхъ, для того, чтобы сидѣть не въ грязной хатѣ, а на открытомъ воздухѣ, во-вторыхъ, чтобы рано встать и тотчасъ-же отправиться дальше. Съ вечера, однако, мы успѣли отѣхать отъ Геби только ворстъ восемь и на лужайкѣ, недалеко отъ берега Ріона, расположились на ночлегъ. Лошади были пущены на подножный корытъ, а мы занялись приготовленіемъ чая и шашлыка.

На слѣдующее утро намъ пришлося проѣхать еще версты четыре вдоль берега Ріона, прежде чѣмъ свернуть въ долину Зонхетуры. Дорога здѣсь оказалась отвратительной до-пельзы: она почти на всемъ протяженіи извивалась по краю отѣсныхъ обрывовъ и кручь надъ самымъ Ріономъ. Скользкіе подъемы и спуски на ней встрѣчались чуть не ежеминутно. Другое неудобство представляло еще густой лѣсъ, вѣтви котораго безпрестанно пѣшили за платье и били по лицу. Мнѣ не хотѣлось безпрерывно сѣвать съ лошади и снова садиться на нее, поэтому я продолжалъѣхать тамъ, где проводники уже или нѣнкомъ; но когда моя лошадь два раза чуть не оборвалась подъ кручу, я долженъ былъ поѣхѣвать примѣру своихъ спутниковъ. Но тутъ случилась еще мазденская непрѣятность: на одномъ крутомъ косогорѣ проводникъ Муссирбей заупрямился и стала отказыватьсяѣхать дальше; тогда я ему категорически замѣтилъ, что онъ можетъ возвратиться, если не хочетъѣхать, но что я не отдамъ ему его лошади, на которой єду самъ. Онъ поворчалъ немножко, а потомъ счелъ за лучшее слѣдовать за маги. По возвращеніи въ Геби я узналъ, что эту дорогу легко можно было миновать, стояло только два раза перебираться вбродъ черезъ Ріонъ; а такъ-какъ эти переправы не представляли никакой опасности, то намъ оставалось лишь пожалѣть, что мы не поѣхали по правому берегу.

Часовъ въ 7 утра мы достигли того мѣста, гдѣ Зонхетура

впадает въ Рионь. Хотя она идеть не болѣе 15 или 17 верстъ въ длину, но, вытекая изъ обширныхъ сѣнжныхъ и глетчерныхъ подъ Главного хребта, несетъ большую массу мутной, желтоватой воды. При впаденіи въ Рионь она не только величиною превосходитъ его, но и течение гораздо быстрѣе. Долина ей, отдѣлившись подъ острѣмъ угломъ отъ Рионской, тянется сначала на СЗ., а потомъ, повернувъ почти подъ прямымъ угломъ, направляется на ОСВ. Этото—необыкновенно красивая долина, представляющая чудный садъ, разведеній самой природой. Она гораздо просторнѣе другихъ долинъ и идеть основаніе и склоны, покрытые лѣсами, чередующимися съ обширными полянами, покрытыми роскошной травой и безчисленными множествомъ разнообразнѣйшихъ цветовъ. Розовые, красные, синіе, голубыи и бранжевые краски здесь представляли замѣтательно красивое сочетаніе и вмѣсть съ цѣлини массами белыхъ рододендроновъ, расположенныхъ по окраинамъ полянъ, придаютъ этимъ последнимъ такой чудный видъ, который оставляетъ неизгладимые слѣды въ памяти путешественника. Съ востока и запада эту долину ограничиваютъ горы, вершины которыхъ покрыты альпийскими лугами, а съ сѣвера—Главный хребетъ, гдѣ надъ высокими, темными галлерейами скаль тянутся обширныя, сѣнжныя поля. Если за Балканами существуетъ «долина розъ», то эту—по всей справедливости—можно назвать «долиною рододендроновъ и яблонь», такъ-какъ влѣть съ красными цветочками и рододендронами составляютъ $\frac{9}{10}$ всѣхъ прочихъ растеній, встрѣчающихся здѣсь. Кроме нихъ, растетъ еще вязъ, рабина, букъ, береза и ива. Дорога по этой долинѣ также несравненно лучше, чѣмъ по берегу Риона, и только въ самой верхней части ей становится плохой.

Часа полтора мы ходили по обширнымъ полянамъ вдоль лѣнаго берега Зенжетури, а потомъ, по совету проводника, переправились на правый. Когда мы перѣѣзжали одну небольшую прогалину въ лѣсу, вдругъ Муссирбей останавливаетъ лошадь и, показывая рукой на склонъ долины, почти шопотомъ говорить: «медведь!» Медведь стоялъ на небольшой, открытой осипи, но Муссирбей такъ безтолково указывалъ мнѣ на это мѣсто, что я увидѣть медведя только тогда, когда онъ успѣхъ приблизиться къ группѣ чустовъ на опушкѣ лѣса. Мнѣ хотѣлось пустить въ него пулю, но было уже поздно: медведь скрылся въ кустарникѣ и только по движенію вѣтокъ можно было замѣтить, что онъ пробирался въ лѣсу. Я очень жалѣть, что не увидѣть его раньше, на осипи;

правда, онъ былъ видъ выстрѣла для посредственаго ружы, но
для порядочной винтовки не трудно было бы убить его.

Не дойдя версты три до ледника, мы остановились. Тропинка тутъ кончилась и лошади дальше идти не могли. Съ этого места хорошо было видѣть ледникъ Золхетуры, почти на самой срединѣ которого танулась большая морена. До ледника, какъ казалось мнѣ, было не далеко и добраться совсѣмъ не трудно; поэтому я, приказавъ Муссирбю сѣхать къ рѣчкѣ и заняться приготовлениемъ обѣда, послѣдилъ съ другимъ проводникомъ отпра-
виться вверхъ по долинѣ. Уже на первыхъ порахъ дорога оказалась далеко не такой, какъ я ожидалъ, но дальше она становилась
уже и хуже. Пришлось пробираться то по бурьяну въ ростъ че-
ловѣка, то по лѣсу. Бурьянъ скрывалъ неровности почвы и камни,
валившіеся чуть не на каждомъ шагу, а приземистый, березовый
лесъ, деревья которого были изломаны и исковерканы глубокими
сѣнгами, выпадающими здѣсь во время зимы *), оказался столь
густымъ и имѣлъ такія кривыя, переплетающіяся по всѣмъ направ-
леніямъ вѣтви, что пробираться по нему можно было только съ
огромными усилиями. Цѣпляясь ногами то за вѣтви, то за камни,
я падалъ, вѣроятно, не менѣе разъ двадцати. Другая бѣда за-
ключалась еще въ томъ, что въ долинѣ Золхетуры, открытой съ юж-
ной стороны, въ полдень бываетъ страшно жарко и въ лѣсу, че-
резъ который мы продирались, стояла духота нестерпимая. Караб-
каясь на горы и продираясь черезъ этотъ безобразный лѣсъ, я
чуть не задыхался. На наше горе конецъ его не былъ видѣнъ и
мы не знали, сколько времени еще придется мучиться. Мнѣ по-
хайней-мѣрѣ разъ десять приходило въ голову вернуться назадъ,
но желаніе ближе ознакомиться съ наибольшимъ изъ Ріонскихъ
плетчеревъ брало верхъ и заставляло продолжать путь. Мы попы-
тались-было спуститься къ самой Золхетурѣ и пробираться вдоль
ея берега, но и здѣсь оказалось не лучше.

Наконецъ, только черезъ два часа послѣ того, какъ мы во-
шли въ лѣсъ, намъ удалось достигнуть его верхней границы. Хотя
до ледника оставалось еще около версты, но онъ былъ видѣнъ
прекрасно, а главное—путь къ нему былъ открытъ и не пред-
ставлялъ новыхъ затрудненій.

Отойдя отъ лѣса сажень сто, я сѣлъ отдохнуть на край

По словамъ местныхъ жителей, здѣсь выпадаетъ такой сѣнгъ, который
хотя совершенно скрываетъ подъ собою лѣсъ.

большого камня, проводникъ мой щелкъ въ сторонѣ. Всѣдѣ вокругъ нась стоялъ бурьянъ, точно лѣсъ. Вдругъ, шагахъ въ трехъ позади меня, изъ-за камня раздается страшный шумъ, сопровождающійся какими-то особынными звуками, и затѣмъ, я чувствую, что кто-то съ большими усилиями стремится выбраться изъ бурьяна. Находясь еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ встречи съ медведемъ, я въ первый моментъ подумалъ, не онъ ли отдохнуть подъ камнемъ и быть мною не вѣремя потревоженъ, но, оглянувшись назадъ, увидѣлъ цѣлую семью горныхъ тетеревовъ, успѣвшую уже подняться надъ верхушками бурьяна.

Вскорѣ мы добрались до ледника. Посредствомъ метастатического термометра я приблизительно опредѣлилъ высоту нижняго конца его надъ уровнемъ моря. Она оказалась равной 6.800 фут. Уложивъ инструменты, я поднялся, чтобы идти дальше, но проводникъ, къ моему не малому удивленію, объявилъ, что онъ не можетъ вести меня на ледникъ, потому что у него порвались башмаки. Конечно, это была не болѣе какъ отговорка, но тѣмъ не менѣе мнѣ пришлось остаться безъ проводника въ то время, когда онъ былъ всего мужище. Я вспомнилъ при этомъ горцевъ-магометанъ Сѣверного Кавказа, которые были всегда готовы идти за мною, да и безъ сомнѣнія за всякихъ другихъ путешественниковъ, дѣть на край свѣта.

Мое путешествіе по глетчеру продолжалось часа два. Я началъ подниматься на него немного лѣвѣе того мѣста, где изъ подъ льда вытекаетъ Запхетура. У самаго конца глетчера были нагромождены груды камней, а нѣсколько выше танулся довольно кругой ледянной скатъ сажень въ 60 длины. Ось быль сильно изѣденъ солнечными лучами и почти веадѣ слегка присыпанъ щебнемъ, поэтому забираться на него было гораздо легче, чѣмъ можно было ожидать, принимая во вниманіе его крутизну. Въ полчаса я достигъ конца средней морены, которая танулась вдоль глетчера. Хотя тутъ на поверхности его было нагромождено много камня, но зато скатъ сдѣлался гораздо пологіе. Перебравшись на восточную сторону морены, я очутился на обширномъ, чистомъ, ледяному полѣ, съ котораго открывался замѣчательно красивый видъ на глетчерь и окружающія его горы. Пройдя еще съ полчаса вверхъ, я достигъ того мѣста, откуда онъ почти весь былъ видѣнъ, прекрасно. Отсюда я возвратился назадъ. Нѣкоторыя трудности мои были встрѣчены только внизу, при началѣ подъема и при переходѣ черезъ срединную морену. Правда, трещины

онадались и въ другихъ мѣстахъ глетчера, но онѣ были таѣ узки, что не могли служить серьезнымъ препятствіемъ къ восхожденію. Привожу краткое описание этого глетчера:

Глетчерь Золхетуры оканчивается не особенно круто и внизу завалены грудами камня, совершенно скрывающими подъ собою ледъ. Онъ образуется изъ двухъ вѣтвей—восточной и западной. Длинная восточная вѣтвь отличается крутизной, свойственной только короткимъ висячимъ глетчерамъ, и начинается почти отъ самыхъ вершинъ тѣхъ остроконечныхъ зубцовъ скалъ, которые составляютъ гребень хребтовъ; вслѣдствіе множества пропастей и ледяныхъ выступовъ, она представляетъ очень дикій видъ. Особен-но много огромныхъ косвенныхъ и поперечныхъ трещинъ находится на восточной окраинѣ ея, близъ боковой морены. Верхняя часть западной вѣтви ограничена съ боковъ высокими скалами и потому была видна не вся, нижня-же представлялась не такой широкой и крутой, какъ восточная; трещинъ на ней, одно-же, было довольно много.

Отъ соединенія этихъ вѣтвей образуется одна, сравнительно короткая, ледяная рѣка, имѣющая въ длину, вѣроятно, версты полторы. Вблизи нижняго конца она очень узка, а въ средней части имѣть около полуверсты ширины. Изъ боковыхъ моренъ обѣихъ вѣтвей глетчера образуется средняя морена, которая тянется вдоль почти всей общей части, нѣсколько ближе къ ея западной сторонѣ. Она оканчивается при началѣ того крутого склона, который составляетъ конецъ ледника. Здѣсь-же находится и довольно широкая, лѣвая (восточная) боковая морена. Всѣ морены состоять, главнымъ образомъ, изъ гранита и аспиднаго сланца.

Съ лѣвой (восточной) стороны этого ледника располагается еще другой, узкій, короткій, но очень обрывистый. Прежде онъ, безъ сомнѣнія, соединился съ своимъ сосѣдомъ, теперь-же ихъ раздѣляетъ промежутокъ около сотни сажень. Изъ-подъ этого глетчера вытекаетъ довольно большая рѣчка съ мутной, какъ грязь, водой; она образуетъ нѣсколько водопадовъ и низвергается прямо на поверхность большого глетчера. Нѣсколько ниже конца этого шестидесятаго, съ правой стороны, въ Золхетуру впадаетъ еще довольно порядочная рѣчка, которая также вытекаетъ изъ небольшого глетчера, свѣшившагося съ западнаго склона долины.

Спустившись внизъ и отыскавъ своего проводника, который все время пока я былъ на леднике, покойно спалъ на берегу Золхетуры, я отправился вмѣстѣ съ нимъ въ обратный путь. Намъ

снова пришлось пробираться то по бурьяну, то по едва проходившему бересовому заросланию. Наконецъ, мы выбрались на поляну, где ожидали встрѣтить Муссирбей, но его здесь не оказалось. Я порядочно усталъ и былъ страшно голоденъ, поэтому сильно разсердился на него. Такъ-какъ на травѣ были хорошо видны следы лошадей, съ которыми онъ отправился внизъ по долинѣ, то мы рѣшили по слѣдамъ отыскать его, и это, конечно, удалось. Оказалось, что онъ нашелъ то мѣсто, где ему было приказано ожидать насъ, неудобнымъ, и самовольно перѣхалъ на другое, заставивъ насъ совершенно напрасно пройти пѣшкомъ нѣсколько лишнихъ верстъ. Къ довершению этого, онъ не сварилъ намъ ни чаю, ни мяса, потому что забылъ взять у меня спички и не могъ развести огня. За все это я прочиталъ ему порядочную нотацию, и онъ до слѣдующаго утра оставался въ очень пасмурномъ настроении. Остатокъ дня и слѣдующую ночь мы провели на этомъ-же мѣстѣ.

Насъ окружала обширная поляна, покрытая высокую, сѣченую травою. Саженяхъ въ 50 было небольшое поле ячменя. Такъ, какъ это мѣсто находилось на довольно большой высотѣ (около 6.000 ф. надъ уровнемъ моря) и не особенно далеко отъ ледникъ, то я ожидалъ, что ночь будетъ очень холодная, но въ дѣствительности она оказалась на столько теплой, что подъ бурной и драповыми пальто я могъ отлично выспаться и отдохнуть отъ дневныхъ трудовъ.

III.

Хребетъ между Ріономъ и Зонхетурой.—Верхняя часть Ріонской долини.—Панхетура и Сасуана.—Ледникъ въ верховыхъ Ріона.—Ледяные обвалы.—Обратный лугъ.—Ночлегъ въ лѣсу.—Деревня Чюра.—Путешествие пѣшкомъ.—Долина Нандарузи и Чемуры.—Столбика подъ Главнымъ хребтомъ.—Переходъ черезъ Главный хребетъ.—Трещины въ сѣнѣ.—Ледникъ Карагоки.—Громадныя морены.—Переходъ черезъ рѣки.—Осетинская деревня Ноакау.

На слѣдующій день Муссирбей, немного развеселившись, рассказалъ мнѣ слѣдующую исторію: едва только онъ успѣхъ приѣхать на ту долину, где мы его застали, и пустить лошадей, какъ саженяхъ въ ста отъ него показался большой медведь. Онъ медленно прохаживался по полянѣ, часто останавливался, садился, отыскивалъ что-то въ травѣ и тѣ; потомъ подошелъ къ низѣ ячменя;

проехать вдоль нея, саженяхъ въ 66 отъ Муссирбая, еще разъ посидѣть довольно долго, попробовать ячмень, затѣмъ недолго и ушелъ обратно въ лѣсъ. Такъ-какъ Муссирбай имѣть при себѣ только книжаль, да плохой одностолъвый пистолетъ, то, конечно, не могъ отважиться вступить въ борьбу съ не безопаснымъ врагомъ. Чтобы узнать, не былъ-ли весь этотъ разсказъ простой выдумкой, я отправился на то мѣсто, гдѣ, по словамъ Муссирбая, ходилъ медвѣдь, и действительно нашелъ тамъ траву сильно примятую, очевидно, ногами косолапаго минки.

Напившись чаю и закусивъ на скорую руку, мы снова отправились въ путь внизъ по долинѣ Зопхетуры, чтобы потомъ повернуть на западъ и спуститься къ Ріону. Придерживаясь береговъ этой рѣки, мы должны были достигнуть ея верховьевъ. Верстъ 10 намъ пришлосьѣхать знакомой уже дорогой; потомъ, перебравшись на правый берегъ Зопхетуры, мы стали подниматься на высокій кряжъ, отдѣляющій ея долину отъ Ріонской. Онъ оказался довольно пологимъ и всѣ непокрыты лѣсомъ мѣста его склоновъ были распаханы и превращены въ хлѣбныя поля. Съ вершины кряжа открывается очень красивый, горный пейзажъ: хорѣю была видна на значительномъ протяженіи долина Ріона, вся долина Зопхетуры, ея ледникъ съ большой срединной мореной и безчисленное множество другихъ горъ Закавказскаго края.

Когда мы спустились къ Ріону, то я былъ удивленъ его незначительной величиной: выше впаденія Зопхетуры онъ становится маленькой рѣчкой, которую можно даже перейти вбродъ. Вода его также отличается несравненно болѣе темнымъ цвѣтомъ и, какъ уже было сказано, течеть гораздо тише, чѣмъ въ Зопхетурѣ. Чѣдъ касается собственно долины его, то она также имѣть особенный характеръ: несмотря на близость Главнаго хребта и на довольно значительную абсолютную высоту, она совершенно лишена мрачнаго и суроваго вида, отличающаго другія, подобныя ей долины. Напротивъ, она носить отпечатокъ нѣжной красоты, всегда просторна и имѣть изогнутые склоны, болѣе чѣмъ до половины вночы покрыты лиственными лѣсами, состоящими изъ яблона, бука, вяза, рябины, ольхи и множества рододендроновъ. Хвойнаго дерева я не видѣлъ здѣсь ни одного. Внѣшніе границы лѣсовъ вѣсною стоятъ расположены прекрасная пастбища и даже сѣнокосы, покрытые высокой сочной травой. Берега Ріона только въ немногихъ мѣстахъ круты, по большей-же части довольно пологи. Снѣж-

никъ или глетчерныхъ полей на склонахъ этой долины не видно вовсе.

Съ правой стороны въ Рионъ впадаютъ здѣсь двѣ небольшія рѣчки—Пацхеура и Гадареули. Обѣ онъ обозначены на картѣ, но никакъ не названы. Рѣка можно встрѣтить такую красивую рѣчку, какъ Пацхеура. Она съ шумомъ катитъ по каменистому дну необыкновенно чистыя, прозрачныя, голубоватыя волны. Короткая, но широкая долина ея покрыта прекраснымъ лѣсомъ и вверху замыкается амфитеатромъ крутыхъ, черныхъ скаль, на которыхъ только кое-гдѣ блестятъ небольшія полоски и ключки снѣга. Почти также красива и долина Гадареули.

Верстахъ въ двухъ отъ Гадареули въ Рионъ впадаетъ съ правой-же стороны еще третья рѣчка—Сасуана. Она получаетъ начало нѣсколькими отдѣльными ручьями изъ хребта, отдѣляющаго Рачу отъ Сванетии, и течеть по лѣсистой, просторной долинѣ почти прямо съ запада на востокъ. Еще выше Рионъ становится уже совсѣмъ маленькой рѣчкой и верстахъ въ трехъ отъ впаденія Сасуаны дѣлится на двѣ вѣтви. Одна течеть почти съ СВ. на ЮЗ., имѣть версты три или четыре въ длину и получаетъ начало изъ глетчера, спускающагося съ южного склона горы Эденъ. Это небольшой, очень короткій глетчерь, который вверху довольно пологъ, а потомъ спускается по очень крутому склону, и выдающійся на немъ скалою раздѣляется на двѣ короткія вѣтви. Онъ хорошо видѣнъ съ горы правой стороны долины.

Чтѣмъ касается другого истока Риона, то онъ, обогнувъ довольно большую гору съ закругленной, покрытой настѣнами вершиной, поворачиваеть на сѣверо-востокъ и вскорѣ также раздѣляется на двѣ рѣчки. Мы пойхали сначала по правой, которая вытекаетъ изъ другого, небольшого глетчера, спускающагося съ Главнаго хребта къ западу отъ той-же горы Эденъ. Оставивъ лошадей въ полуверстѣ отъ глетчера, мы отправились къ нему пѣшкомъ и, такимъ образомъ, могли осмотрѣть его довольно порадочно.

Леднишъ этотъ во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ предыдущій. Онъ также имѣть небольшіе размѣры и верхнюю часть гораздо болѣе пологую, чѣмъ нижнюю. Послѣдняя оканчивается надъ самыми краемъ крутой, скалистой стѣны, не менѣе сажень 100 высоты. Только узкая полоска льда сползасть съ нея внизъ почти до самаго ея основания; чтѣ-же касается остальной части глетчера, то она образуетъ надъ пропастью отвесный, ледяной уступъ, съ котораго скатывается множество болѣшій ручьевъ съ

бесчисленными водопадами. Они производят такой шумъ, что вблизи ледника невозможно разговаривать. Изъ всѣхъ этихъ ручьевъ образуется короткая рѣчка, текущая впадаючи въ каменистому русду не менѣе 15 или 20 градусовъ крутизны. Испо; на склонѣ должно быть бурно и шумно ея теченіе. По приблизительному определенію, этотъ послѣдній Ріонскій ледникъ оканчивается на высотѣ около 7.100 ф. надъ уровнемъ моря.

Въ березовомъ лѣсу, недалеко отъ ледника, мы сдѣлали привалъ, чтобы напиться чаю, закусить и дать отдыхъ своимъ лошадямъ. Лежа на травѣ, я сталь было уже дремать, какъ вдругъ какой-то особенный гулъ, сопровождаемый густымъ эхомъ, разнесся по всей долинѣ. Я угадалъ причину его и тотчасъ взглянуль на ледникъ. Съ него еще продолжали катиться куски льда и ссыпаться ледяная пыль. Очевидно, небольшая часть ледника отошла и съ грехотомъ слетѣла внизъ. Спустя полчаса повторилась та-же история. Безъ сомнѣнія, лѣтомъ, въ нелѣдные часы, здесь ежедневно происходиттъ нѣсколько подобныхъ водопадовъ съ той почти отвесной скалы, надъ которой оканчивается глетчеръ. По словамъ моего проводника, здесь же бываютъ, хотя и рѣдко, громадные обвалы, и тогда свалившійся ледъ болѣе чѣмъ на версту заваливаетъ долину и совершенно уничтожаетъ тотъ мелкій лѣсокъ, который находится на пути его движенія.

Лѣвый и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній источникъ Ріона направляется къ сѣверо-западу по долинѣ, почти лишенней скалъ и всюду покрытой зеленью. Горы, образующія скалы ея, не особенно высоки и легко доступны, а вершины ихъ представляютъ прекрасный пастбища. Въ верхней части этой извилистой долины Ріонъ распадается на нѣсколько большихъ ручьевъ; одинъ изъ нихъ получаютъ начало на склонахъ Главнаго хребта, а другие — на той цѣли, которая, полосою всего въ три или четыре версты, раздѣляетъ источники Ріона и Ценисъ-Цхале. Ни съ той, ни съ другой стороны адѣль почти нѣть ни снѣговъ, ни ледяныхъ полей. Таково начало одной изъ наибольшихъ рѣкъ Кавказа, известной уже народамъ древнихъ временъ.

Послѣ основательного отдыха, когда солнце уже замѣтило склонилось къ западу, мы отправились въ обратный путь внизъ по Ріону и, проѣхавъ верстъ 12, нашли удобное для ночлега место, где и рѣшили остановиться. Это была красивая, изумрудно-зеленая поляна, шаговъ около 300 въ диаметрѣ, усыпанная тысячами всевозможныхъ цветовъ. Вокругъ нея высокой стѣной стоялъ

темный чинаровый лесъ, а съ южной стороны поднимался еще кру-
той откосъ, который своими вершинами какъ будто упирался въ
облака. Вдали, изъ-за верхушекъ деревьевъ, также кое-гдѣ выгля-
дывали нѣжно и тонко очерченные зубцы горъ. По срединѣ поляны,
тихо журча и шумя, пробирался между камнями небольшой ручей
съ холодной, чистой и прозрачной какъ хрусталь водой, а внизу
подъ крутымъ косогоромъ плавно и звучно шумѣлъ Ріонъ. Солнце
уже зашло за синѣюющій лесъ и своими послѣдними лучами золо-
тило лишь самыя высшія точки горъ, да верхушки отдельно стоя-
щихъ деревьевъ.

Первою нашей заботою по приѣздѣ сюда было принести су-
хихъ дровъ для костра; ихъ въ лѣсу оказалось такъ много, что
въ не сколько минутъ мы набрали больше, чѣмъ требовалось. Вско-
рѣ зашло солнце и на небѣ показалась почти полная луна. Она
своимъ блѣднымъ свѣтомъ облила сѣверную часть поляны, тогда-
какъ южная оставалась въ тѣни. Въ это время передъ нами уже
пысалъ большой костеръ, на которомъ варился чай и готовился
незатѣливый ужинъ. Огромныя чинаровыя деревья, освѣщенныя
красноватымъ свѣтомъ костра, рѣзко выступали изъ лѣсной тем-
ноты, представляя чудную, величественную колоннаду. Я съ на-
слажденiemъ провелъ вечеръ на этой полянѣ, окруженной дѣв-
ственнымъ лѣсомъ, и мнѣ часто приходили на память постоянные
жители городовъ, замурованные въ стѣнахъ своихъ тюремъ, ни-
когда не видящіе природы въ истинномъ ея великолѣпии и об-
реченные на скучное однообразіе жизни и вѣчныя, мелочныя
заботы.

Часамъ къ 12 слѣдующаго дня мы приѣхали въ Геби. Слы-
шавши еще раньше, что отсюда можно верхомъ пробраться черезъ
Главный Кавказскій хребетъ въ Осетію, я хотѣлъ переночевать
въ Геби и рано утромъ отправиться черезъ высокія, заоблачныя
страны, но когда сталъ разспрашивать мѣстныхъ жителей про до-
рогу, то они единогласно утверждали, что лошадь этимъ путемъ
никоимъ образомъ пройти не можетъ, и совѣтовали мнѣ отпра-
виться въ Чюра, отстоящее отъ Геби всего на пять верстъ, от-
куда, по ихъ словамъ, можно проѣхать черезъ хребетъ верхомъ.
Чтобы не терять напрасно времени и скорѣѣ разрѣшить этотъ во-
просъ, я тотчасъ отправился изъ Геби. Дорога все время шла по
лѣвому берегу Ріона и ничего особеннаго не представляла. Часа
за полтора до сумерокъ мы были уже въ Чюра. Здѣсь мнѣ также
отвели помѣщеніе въ канцелярии, къ которой собралась цѣлая

куча народу. На мое счастіе, въ этомъ селеніи оказался ученикъ Кутаисскаго духовнаго училища, единственный человѣкъ, который могъ говорить по-русски и служить хорошимъ переводчикомъ. При его помощи я началъ разспрашивать о дорогѣ въ Осетію; но, къ моему огорченію, жители Чіора, какъ и Геби, совершенно отрицали возможностьѣхать по ней верхомъ. Одинъ изъ нихъ перешель черезъ горы только дни за два до нашего прїзыва въ Чіора, и онъ говорилъ, что при самомъ началѣ спуска на сѣверный склонъ мы встрѣтимъ мѣста, гдѣ не только лошадь, но даже и человѣкъ должны пробираться съ большой осторожностью. Такимъ образомъ, оказалось, что ни изъ Геби, ни изъ Чіора перѣѣхать черезъ горы нельзя.

Не желая возвращаться прежней своей дорогой, т. е. черезъ Мамиссоновскій переваль, я рѣшилъ перебраться изъ Чіора въ Ди-горю *) пѣшкомъ. Правда, путь этотъ не легокъ, — нужно подняться на высоту почти 11.000 ф. и снова спускаться по обширнымъ снѣжнымъ и ледянымъ полянамъ, но путешествующаго по горамъ эти препятствія должны скорѣе завлекать, чѣмъ устрашать, поэтому я и рѣшилъ попытать свои силы.

Въ Чіора я нанялъ двухъ проводниковъ, которые по уговору должны были нести мои вещи черезъ хребеть до ближайшаго осетинскаго аула Ноакау. Одинъ изъ нихъ былъ Павелъ Чагелишвили, а другой — Дата Рехуа-швили; съ ними я отправился въ путь.

Выступивъ изъ деревни въ 10 часовъ утра, мы начали подниматься на хребеть, раздѣляющій долины Чешуры и Нацарули (притоки Риона). Подъемъ былъ далеко не легокъ, зато мѣстность съ каждымъ шагомъ становилась привлекательнѣе. Узкой, извилистой лентой тянулась тропинка по гребню хребта среди альпийскихъ пастбищъ и рододендроновыхъ зарослей, которыхъ, несмотря на сильную засуху, продолжавшуюся болѣе мѣсяца, все еще оставались свѣжими и зелеными; вдалекѣ отъ насъ разстилались самые красивые горные пейзажи. На С. была видна, стоящая въ сторонѣ отъ другихъ, большая гора Шода съ разорванной, зубчатой вершиной, увѣнчанной во многихъ мѣстахъ небольшими снѣжными и глетчерными полянами; на югѣ Главный Кавказскій хребеть своими вершинами какъ будто-бы утопалъ въ небѣ; съ западной стороны, внизу тянулась долина Чешуры, почти вся заросшая хвой-

*) Часть Осетіи, расположенная въ верховьяхъ Уруха.

ными и лиственными лесами, а съ восточной—подобная же долина рѣки Нацарули. Особенно красивымъ казалось отсюда верховье рѣки Чешуры. Оно представляетъ огромный амфитеатръ скалъ, черные, остроконечные вершины которыхъ рѣзко выдѣляются надъ синѣющими и глетчерными полями, расположеннымъ нѣсколько ниже. Только въ юго-западной сторонѣ, почти съ самой вершины этихъ утесовъ, спускался крутой, узкій, но довольно длинный глетчерь. Поверхность его всюду была изборождена трещинами и ледяными выступами, а въ двухъ мѣстахъ на ней выдавались темные скалы. Внизу глетчерь оканчивался узкой, клинообразной полосой льда.

Пройдя нѣсколько верстъ по гребню хребта, мы начали спускаться внизъ, въ долину Нацарули. Въ верховьяхъ этой рѣчки, недалеко отъ ледника, намъ нужно было провести часть ночи, а на слѣдующія сутки, до разсвѣта, начать восхожденіе на Главный хребетъ, чтобы еще утромъ по твердому снѣгу, не провалившись глубоко, перебраться черезъ болѣе опасную верхнюю часть горъ.

Очень крутые склоны долины, по которымъ мы спускались, были покрыты лѣсомъ. Изъ хвойныхъ деревьевъ я встрѣтилъ здѣсь только сосны, да и тѣхъ не особенно много; верхнюю же часть долины, до самого ледника, покрывали густыя, березовая заросли.

Часовъ въ 5 вечера мы достигли обширной, красивой лужайки, расположенной у самого берега Нацарули. По сторонамъ ся стояли большія березы и сосны, на срединѣ былъ выстроенъ маленький шалашъ, а верстахъ въ двухъ находился нижній конецъ глетчера, овѣшившагося съ Главного хребта и питающаго рѣку Нацара *), основаніе которой было скалисто, а верхняя часть почти совершенно окутана ослѣпительно-блѣлой сѣйжной пеленою. На этой лужайкѣ мы расположились на ночлегъ. Хозяева хижинъ — имеретинскіе пастухи — привѣтили насъ весьма любезно, уговаривали молокомъ и сырьемъ, а я ихъ, взамѣнъ этого—чаемъ и кофе. Изъ моихъ вещей болѣе всего занималъ ихъ термометръ и скорострѣльная винтовка.

Съ нашей стоянки хорошо былъ видѣнъ ледникъ Нацарули, о которомъ только-что упоминалось. Верхняя часть его довольно

*) На пятнадцативерстной карте она названа Бурджула.

полога и имѣть въ ширину не менѣе 500 шаговъ. По бокамъ я поднимаются высокія, крутые скалы, какъ будто бы ворота въ Главномъ хребтѣ, ведущія изъ Кутаисской губерніи въ Терскую область. Я предполагалъ, что нашъ путь будетъ пролегать именно черезъ это мѣсто, но потомъ оказалось, что переваль находится значительно лѣвѣ, т. е. западнѣе ледника.

На половинѣ длины глетчеръ становится гораздо круче, а нижній конецъ его двумя большими ледяными зубцами свѣшиивается съ еще болѣе крутой скалы. Здѣсь нѣсколькими бурными потоками вытекаетъ изъ-подъ льда рѣка Нацарули. Не могу съ точностью сказать, до какой высоты спускается нижній конецъ ледника, но думаю, судя по его разстоянію отъ нашей стоянки, высота которой по моему опредѣленію равна 6.200 ф., что онъ доходитъ до 6.500 или 7.000 ф. надъ уровнемъ моря.

Остатокъ дня и часть вечера мы употребили на отдыхъ. Вечеръ былъ тихій и сравнительно теплый, луна взошла тотчасъ послѣ захода солнца и особеннымъ магическимъ блескомъ облила горы, снѣжные вершины которыхъ рѣзко обрисовались на темной синевѣ неба. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ пылалъ костеръ и на немъ готовился самый незатѣмливый ужинъ.

Несмотря на поэтическую обстановку, среди которой мы находились, думы мои по временамъ принимали отчасти тревожный характеръ по слѣдующимъ причинамъ: мнѣ нѣсколько разъ приходилъ на память разсказъ, о которомъ я уже упоминалъ, про громадныя трещины въ снѣгу на верху перевала. Кроме того, прозрачное небо, на которомъ не было видно ни одного облака за все время моего пребыванія въ верховыхъ Риона, теперь замѣтно потемнѣло, воздухъ сдѣлся болѣе тѣлымъ и не такъ прозраченъ; а на вершинахъ горъ появились клочки облаковъ,— словомъ, многое указывало на перемѣну погоды, которая наверху могла разразиться снѣжной матилью и помѣшать намъ перебраться черезъ высокій переваль. Однако, передъ самыми заходомъ солнца горы снова очистились совершенно и этимъ воскресили во мнѣ надежду на благополучный переходъ. Чтобы утромъ не возиться долго, я еще съ вечера приготовилъ себѣ кофе и уложилъ всѣ свои вещи въ сумки.

Въ половинѣ третьего ночи я проснулся, разбудивъ своихъ спутниковъ и менѣе чѣмъ черезъ полчаса всѣ мы уже отправились въ путь. Тогда было полнолуніе, луна успѣла замѣтно склониться къ западу, но еще хорошо освѣщала нашу дорогу. При свѣтѣ ея

мы прошли версты двѣ по едва замѣтной, извивавшейся вдоль праваго берега Нацарули тропинкѣ, которая мѣстами была таъ сильно завалена камнями и такъ заросла бурьяномъ, что даже днемъ пробираться по ней было-бы далеко не легко. Вблизи нижняго конца ледника намъ предстоила не особенно пріятная переправа черезъ порядочную рѣчку (одинъ изъ истоковъ Нацарули), вытекающую изъ снѣговъ къ З. отъ глетчера. Теченіе ея оказалось настолько быстрымъ, что я не безъ труда перебрался черезъ нее и едва не набралъ воды въ сапоги.

Было около четырехъ часовъ утра, когда мы приблизились къ нижнему концу глетчера. Вокругъ насы царила темнота, но на востокѣ небо уже окрасилось красноватымъ свѣтомъ. Еще черезъ полчаса онъ покрылъ всѣ высшія точки горъ. Пикъ Нацары, достигающій, вѣроятно, тысячу 13 футовъ высоты, казался особенно красивымъ. Облитый рововымъ свѣтомъ, онъ представлялъ рѣзкую противоположность съ среднимъ поясомъ горы, снѣга котораго, вслѣдствіе слабаго освѣщенія, были скорѣе сѣраго, чѣмъ бѣлаго цвѣта. Еще болѣе мрачнымъ выглядывалъ глетчерь съ его безчисленными трещинами и крутыми ледяными откосами. Когда мы находились противъ средней части его, на востокѣ изъ-за зубцовъ скаль показалось солнце, въ это-же время на западѣ заходила блѣдная уже луна.

До шести часовъ мы пробирались вдоль правой боковой морены. Подъемъ былъ очень крутъ и утомителенъ. Черезъ каждые 50—60 шаговъ мы должны были останавливаться минуты на двѣ, чтобы перевести духъ. Въ это время было довольно тепло, и я шелъ въ короткомъ, на легкомъ мѣху, пиджакѣ, но передъ самыми восходомъ солнца подулъ такой рѣзкій вѣтеръ и сдѣлалось такъ холодно, что я принужденъ былъ надѣть еще пальто. Непріятнѣе всего было то, что отъ трудности восхожденія — мы буквально обливались потомъ, а холодный вѣтеръ насквозь пронизывалъ платье; всего сильнѣе это чувствовалось во время нашихъ, хотя и кратковременныхъ, приваловъ. Тогда приходилось дрожать какъ въ лихорадкѣ.

Въ шесть часовъ утра мы поровнялись съ верхней частью ледника и повернули отъ него вълево (къ западу). Тутъ намъ пришлось цѣлыхъ два часа пробираться по крутымъ осыпямъ и скаламъ; кое-гдѣ попадался снѣгъ, но онъ покрывалъ лишь небольшія пространства. Только въ 8 часовъ утра мы достигли нижней границы довольно порядочного фирноваго поля, но твердый, зер-

нистый снѣгъ его почти вовсе не продавливался и не затруднялъ ходьбы. Мы перешли черезъ него въ 40 минутъ. Нужно замѣтить, что на пути къ перевалу съ южного склона снѣговъ очень мало, и это было единственное порядочное поле, встрѣтившееся намъ. По множеству экспериментовъ, валявшихся на поверхности его, видно было, что оно очень часто посѣщалось турами.

Когда мы подходили къ концу поля, то одинъ изъ проводниковъ указалъ миѣ остроконечныя скалы, составляющія собственно перевалъ. Повидимому, до нихъ оставалось не болѣе часа ходьбы, и я очень обрадовался, что такъ скоро намъ удастся достигнуть вершины Кавказскаго хребта.

Не только снѣжное поле, но и окружающіе его скалы и утесы были почти совершенно лишены органической жизни. Пробираясь по нимъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, мы не слышали ни крика птичекъ, ни жужженія насѣкомыхъ, и только изрѣдка полное безмолвіе, царствующее здѣсь, нарушалось глухими, отдаленными звуками, производимыми паденiemъ лавинъ или растрескиваніемъ льда. Впрочемъ, нѣсколько ниже намъ попадались раза два альпійскія завирушки (*Accentor alpinus*) и снѣжный вьюрокъ (*Plectrofringilla alpicola*), а недалеко отъ перевала — клушица (*Fregilus graculus L.*). Послѣднія весело носились взадъ и впередъ около отвесныхъ скаль, оглашая воздухъ своими протяжными, мелодичными криками. Однѣ лишь пестрыя бабочки изъ рода *Agninis* попадались довольно часто, и не только на скалахъ, но даже на снѣгу.

Растеній въ верхнемъ поясѣ горъ встрѣчалось также не много. Въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень отъ вершины хребта я нашелъ около дюжины экземпляровъ вероники (*Veronica petrea*); ниже попадался довольно часто роговикъ (*Cerastium Kasbec*), *Gnaphalium dioicum L.*, камнеломки (*Saxifraga laevis*, *S. exarata* и *S. cartilaginea*), красивыя генціаны (*Gentiana pyrenaica L.*), *Anthemis Marschalliana Will.* и т. д. Большая часть ихъ имѣла совершенно особенный наружный видъ, принадлежащей растеніямъ высшихъ подсоя горъ. Всѣ здѣшніе цветы и травы ростомъ едва превышали нѣсколько дюймовъ и часто вместо большихъ, длинно-черепчатыхъ листьевъ имѣли твердые, кожистыя чешуйки. У нѣкоторыхъ изъ нихъ почти весь стебель былъ скрытъ въ землѣ и только одиночный, относительно крупный цветокъ сидѣлъ наружу. Таковы генціаны и нѣкоторыя *Campanula*. Къ особенности этихъ растеній нужно причислить и то, что большая часть ихъ растѣть

не одиночно, а кучками въ нѣсколько сотень, даже тысячъ экземпляровъ. Часто можно видѣть на какой-нибудь скалѣ, едва прикрытой слоемъ почвы въ нѣсколько линій толщины, на пространствѣ въ два или три квадратныхъ фута, нѣсколько тысячъ экземпляровъ *Draba scabra*, *Saxifraga laevis*, *Draba imbricata* и др. Кажется, какъ будто они нарочно поселяются такими обществами и тѣсно жмутся другъ къ другу, чтобы сколько-нибудь согрѣть себя и сосѣдей. Многіе изъ нихъ имѣютъ еще пушистый покровъ изъ густыхъ длинныхъ волосковъ.

Пройдя снѣгъ, мы снова попали на пустынныя развалины скаль. Хотя высота ихъ была очень значительна, но вслѣдствіе большой крутизны онѣ оставались почти лишенными снѣжного покрова. Пробираться по нимъ было безопасно, но очень утомительно; однако, близость перевала ободряла меня и заставляла забывать усталость. Наконецъ, послѣ почти непрерывнаго шести-часового подъема, т. е. въ 8 часовъ 45 минутъ утра, мы очутились на самой вершинѣ хребта, на высотѣ 11.000 футовъ.

Здѣсь я остановился на нѣсколько минутъ. Невозможно было оторваться отъ той картины, которая разстилалась передъ нашими глазами. Мы находились на чертѣ, отдѣляющей двѣ части свѣта. Съ южной стороны видны были безчисленные, пересѣкающіеся по всѣмъ направленіямъ, высокіе и низкіе хребты Грузіи, Имеретіи и Мингреліи, на западѣ и востокѣ возвышался во всемъ своемъ грозномъ и суровомъ величіи Кавказскій хребетъ, представляющій цѣнь гигантскихъ конусовъ, одѣтыхъ блестящимъ снѣжнымъ покровомъ; на С. тянулись горы Осетіи, а еще дальше за ними, на краю горизонта, очерчивались едва замѣтнымъ контуромъ равнины Терской области.

Самой интересной была мѣстность, лежащая къ сѣверу, непосредственно за переваломъ. Здѣсь находилось почти круглое, снѣжное поле, имѣющее версты $2\frac{1}{2}$ въ диаметрѣ, окруженнное съ трехъ сторонъ аркой высокихъ, крутыхъ, черныхъ скалъ, на которыхъ снѣгъ лежалъ только клочками. Внизу оно переходило въ довольно большой глетчеръ; еще дальше виднѣлся хвойный лѣсъ и нижняя часть другого глетчера. Все наше вниманіе было сосредоточено на снѣжномъ полѣ. Черезъ него пролегалъ нашъ путь и оно составляло самую опасную часть его. По разсказамъ моихъ проводниковъ, уже не одинъ человѣкъ погибъ въ его глубокихъ трещинахъ и ямахъ. Особенно страшно бываетъ оно осеню и весной, когда свѣжій снѣгъ предательски скрываетъ бездонныя

пропасти. При осмотрѣ поля съ вершины хребта мы не замѣтили ни одной трещины въ верхней, наиболѣе опасной части его; оно пересѣкалось ими только внизу, гдѣ переходило въ глетчеръ. Это успокоило насъ, но очень не надолго.

Прежде, чѣмъ начать спускаться, мои спутники сняли шапки и совершили краткую молитву. Ступая на снѣгъ, они также крестились. Все это показывало, что путешествіе здѣсь дѣло не шуточное. Дѣйствительно, едва мы прошли по снѣгу шаговъ 100, какъ передъ нашими глазами открылась широкая трещина, въ видѣ дуги опоясывающая большую часть снѣжного поля. Только въ немногихъ мѣстахъ на днѣ ея были видны черные скалы, на большей-же части протяженія она представлялась бездонной. Сначала мнѣ показалось страннымъ, какимъ образомъ мы не замѣтили ее сверху; но это объясняется, конечно, тѣмъ, что въ ясный день снѣгъ высокихъ областей горъ блестить и искрится такимъ ослѣпительнымъ свѣтомъ, что на немъ можно видѣть отчетливо только темные предметы.

Эта трещина была первымъ серьезнымъ препятствіемъ на нашемъ пути. Находясь на вершинѣ хребта, я считалъ, что мы половину трудовъ, если не болѣе, уже преодолѣли и что спуститься съ хребта во всякомъ случаѣ легче и скорѣе, чѣмъ подняться на него. На дѣлѣ-же оказалось совсѣмъ не то. Безконечно-длинный и очень утомительный спускъ, направлявшійся по обширнымъ глетчернымъ и снѣжнымъ полямъ, потребовалъ гораздо болѣе времени, труда и рѣшительности, и утомилъ насъ несравненно сильнѣе, чѣмъ подъемъ.

Перебраться черезъ трещину въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы пошли къ ней, оказалось невозможнымъ. Мы повернули вправо и направились вдоль нея, надѣясь найти удобный переходъ. Нужно было подвигаться по крутыму снѣжному откосу у самаго края этой страшной бездны, при этомъ приходилось глубоко вонзать палку въ снѣгъ и ступать съ крайней осторожностью, чтобы не поскользнуться и не скатиться по крутымъ склонамъ въ самую пропасть. Пройдя такимъ образомъ порядочное разстояніе вдоль трещины, мы, наконецъ, нашли мѣсто, гдѣ можно было перепрыгнуть черезъ нес, и тотчасъ-же воспользовались удобнымъ случаемъ скорѣе убраться изъ этого опаснаго круга.

Дальше мы стали спускаться быстрыми шагами по снѣжному полю и, менѣе чѣмъ черезъ часть, достигли начала довольно большого ледника, находящагося въ верховыхъ рѣки Кара-гоми, впада-

дающей въ Урухъ. Здѣсь намъ тоже попадалось много глубокихъ трещинъ, но большую часть ихъ можно было обойти безъ особенного труда и опасности. Путешествіе по этому глетчеру продолжалось $2\frac{1}{4}$ часа; такъ-какъ мы шли довольно быстро и особыхъ задержекъ на пути не встрѣчали, то я полагаю, что длина его не менѣе пяти или шести верстъ, ширина-же въ верхней части около версты, а въ нижней — сажень 100 или 120. Что касается поверхности, то она мѣстами довольно ровная, мѣстами спускается очень круто, представляя такимъ образомъ какъ-бы рядъ огромныхъ, замерзшихъ волнъ. Оканчивается этотъ ледникъ весьма полого и почти незамѣтно, такъ-какъ возлѣ нижняго конца совершенно скрытъ подъ грудами каменныхъ обломковъ, составляющихъ его конечную морену. Къ главной вѣтви этого глетчера присоединяются боковые: одна — съ правой стороны и двѣ — съ лѣвой; но онъ коротки, узки и почти лишены моренъ.

Передъ тѣмъ какъ сойти съ ледника, мы шли часа полтора, не останавливаясь ни на минуту, поэтому у конца его рѣшили сдѣлать привалъ и расположились на берегу рѣчки, вытекающей изъ-подъ льда. Чтобы сколько-нибудь освѣжиться, я хотѣлъ сварить себѣ кофе, но каково было мое разочарованіе, когда оказалось, что кофейникъ и стаканъ исчезли изъ моихъ сумокъ. Найдѣнно ихъ украла еще передъ разсвѣтомъ на нашей стоянкѣ. Такимъ образомъ по-неволѣ пришлось ограничить свой завтракъ черными, невкусными имеретинскими пышками, да водой изъ небольшого чистаго ручья; мои-же спутники отдали предпочтеніе грязнымъ волнамъ Кара-гоми, говоря, что вода, вытекающая изъ льда, вкуснѣе и здоровѣе.

Послѣ получасового отдыха мы отправились дальше по едва замѣтной тропинкѣ, извивавшейся вдоль лѣваго берега рѣчки. На значительномъ пространствѣ она проходила по почвѣ, покрытой приземистой зеленої травкой, поэтому идти по ней было довольно сносно. Скоро тропинка привела насъ къ сосновой рощѣ, которая была замѣтна еще съ вершины хребта. Я было успокоился на счетъ остального пути, думая, что мы уже миновали опасности и безъ всякихъ затрудненій доберемся до Ноакау — первой осетинской деревни на сѣверномъ склонѣ хребта; но вскорѣ долженъ былъ сильно разочароваться, замѣтивъ, что нашъ путь пересѣкается тѣмъ огромнымъ ледникомъ, нижняя часть котораго также была видна съ перевала. Дѣйствительно, пройдя нѣкоторое разстояніе по тропинкѣ вдоль берега, мы увидѣли, что рѣчка, достиг-

нувъ глетчера, промыла въ немъ тоннель и ушла подъ ледъ, а глетчерь въ этомъ мѣстѣ стѣснили съ боковъ почти отвесныя скалы. Очевидно, намъ нельзя было продолжать путь иначе, какъ по льду.

На боковой части глетчера лежала громадная морена, имѣющая не менѣе 60 или 70 сажень высоты. Почти вся она состояла изъ мелкаго щебня и окаймлялась съ обѣихъ сторонъ безконечнымъ числомъ ямъ и трещинъ во льду. Переходъ черезъ нее былъ очень труденъ какъ потому, что щебень сильно осипался и ноги тонули въ немъ почти по колено, такъ и вслѣдствіе крутизны подъема. Кромѣ того, множество глубокихъ пропастей съ боковъ морены дѣлало переходъ и опаснымъ. Съ гребня морены намъ открывался почти весь ледникъ.

Онъ спускается съ хребта нѣсколько западнѣе высокой горы, известной подъ именемъ Адай-хоча (15.214 футовъ), и вмѣсть съ ледникомъ Бизинги принадлежитъ къ величайшимъ — на Кавказѣ. По длини онъ, можетъ быть, даже превосходитъ Бизинги. Горцы называютъ его Кара-гоми-чече *) и говорятъ, что пройти отъ начала до конца его едва-ли можно за цѣлый день. По мнѣнію Абиха, между кавказскими ледниками онъ на столько-же замѣчательенъ, какъ Алечъ между швейцарскими. Определить длину его не берусь, но очень можетъ быть, что она не менѣе 15 или 20 верстъ. Кромѣ того, Кара-гоми спускается гораздо ниже другихъ ледниковъ Кавказа, именно до 5.680 футовъ надъ уровнемъ моря, оставляя такимъ образомъ далеко за собою сосны и только верстъ пять не доходя до селенія.

Нигдѣ на Кавказѣ я не видѣлъ такихъ красивыхъ трещинъ и такого красиваго и прозрачнаго льда, какъ здѣсь. На Кара-гоми можно восхищаться нѣжнымъ цветомъ и чистотою льда. Это особенно бросается въ глаза въ тѣхъ мѣстахъ, где онъ пересекается множествомъ бездонныхъ трещинъ и кажется состоящимъ изъ прозрачныхъ столбовъ и пирамидъ небесно-голубаго цвета, обнимающихъ пространство въ нѣсколько верстъ длиною. Замѣчательно красива и его правая боковая морена, состоящая изъ почти бѣлого щебня. Она, въ видѣ гряды сажень также въ 70 высоты окаймляетъ голубовато-синій глетчерь. Нижній конецъ его образуетъ глубокую выемку съ ледянымъ грутомъ и изъ нея, какъ изъ чудовищной па-

*) Чете — по-осетински звачить „ледникъ“.

сти, съ ревомъ вырывается рѣчка Кара-гоми *). На склонахъ долины, ограничивающей съ боковъ ледникъ, замѣтно, что въ прежние годы пласть льда была значительно толще, а поверхность его лежала гораздо выше. По словамъ мѣстныхъ жителей, только лѣтъ двадцать тому назадъ этотъ глетчеръ сталъ сильно уменьшаться.

Къ сожалѣнію, ледникъ Кара-гоми на сколько красивъ, на столько-же и трудно-доступенъ. Бездонными трещинами онъ пересекается почти всюду; кромѣ того, его поверхность въ некоторыхъ мѣстахъ имѣть такой крутой склонъ, что спускаться по ней очень затруднительно даже съ хорошей горной палкой и въ сапогахъ, подбитыхъ острыми гвоздями. Не могу забыть, какъ въ одnomъ мѣстѣ, на самомъ краю страшной бездны, я поскользнулся и упалъ; при этомъ невольный крикъ вырвался изъ моей груди. Возлѣ меня никого не было и я былъ почти увѣренъ, что полечу въ трещину. Въ другомъ подобномъ мѣстѣ мы увидѣли трупъ небольшого козленка, ущемленный между ледяными стѣнами трещины; онъ находился на полъ-аршина ниже поверхности глетчера, но, безъ сомнѣнія, нѣсколько лѣтъ тому назадъ попалъ въ глубокую яму, увязъ въ ней и только теперь, когда пласть льда, можетъ быть, въ десятки аршинъ толщиною, успѣлъ стать, трупъ его приблизился къ поверхности глетчера. Я попробовалъ разрѣзать его кожу и мясо подъ нею оказалось еще свѣжимъ.

Другое большое затрудненіе при путешествіи по леднику Кара-гоми представляютъ громадныя морены, окаймленныя съ боковъ безчисленнымъ множествомъ ямъ и трещинъ, достигающихъ десятковъ сажень глубины. Нижний конецъ глетчера, вслѣдствіе своей крутизны, также не для всякаго доступенъ.

По Кара-гоми намъ пришлось идти ровно два часа. Наконецъ, въ три часа по-полудни, перебравшись опять не безъ труда черезъ лѣвую боковую морену, мы сошли съ глетчера саженяхъ въ 70 выше конца его. Здѣсь мы окончательно распрошались съ снѣгами и льдами, но, какъ оказалось вскорѣ, этимъ еще не завершились наши испытанія.

Едва мы успѣли пройти съ версту вдоль берега по довольно сносной тропинкѣ, какъ вдругъ очутились у подножья отвесной скалы, вдающейся въ рѣчку. Такъ-какъ она была очень высока

*) Въ верховыхъ ущелья Кара-гоми находятся два глетчера. Объ одномъ уже было сказано. Рѣчка, вытекающая изъ него, пробѣжавъ версты 2 или 3, уходитъ подъ тотъ огромный глетчеръ, о которомъ теперь идеть рѣчь, и вытекаетъ изъ-подъ нижняго конца его отдаленнымъ потокомъ.

и взобраться на нее было невозможно, то намъ оставалось только спуститься въ воду и идти вдоль скалы по руслу рѣчки. Мои спутники сняли съ себя все, кромѣ рубашки и черкески, сорвутую и мнѣ сдѣлать то-же; но я счелъ лучшимъ ирѣпко подвязать вверху голенища и отправиться въ сапогахъ. Вода, доходившая выше колѣнъ, свирѣпо бушевала и шѣнилась вокругъ насъ. Течение ея было такъ быстро, что мы, держась другъ за друга и изъ всѣхъ силъ упираясь палками въ подводные камни, только съ большимъ усилиемъ могли пройти шаговъ сорокъ по руслу рѣки, прежде чѣмъ снова вышли на берегъ.

Не прошло и получаса, какъ мы вторично упирались въ скалы, подмываемыя водою Кара-гоми. Снова нужно было пробираться среди бушующихъ волнъ такъ-же, какъ и въ предыдущій разъ. Но, когда и здѣсь мы благополучно выбрались на берегъ, то я уже началъ терять надежду попасть наконецъ сегодня на такія мѣста, гдѣ можно будетъ идти, не опасаясь за каждый неосторожный шагъ. Какъ нарочно вскорѣ долина Кара-гоми замѣтно расширилась и показалось селеніе Ноакау, но я отчаялся добраться до него безъ новыхъ препятствій. Въ это время пошелъ дождь, но мы были настолько утомлены физически и нравственно продолжительной ходьбой и разными приключеніями, что уже не обращали на него никакого вниманія. Не произвели на насъ впечатлѣнія и раскаты грома, безъ сомнѣнія очень звучные въ такой глубокой долинѣ. Довольно долго шли мы съ лѣвой стороны рѣчки по грудамъ валуновъ, нанесенныхъ водой. Путь былъ не совсѣмъ удобенъ, но по-крайней-мѣрѣ хорошо тѣмъ, что даже и при неосторожности съ нашей стороны никакая опасность не угрожала намъ. Но вдругъ—еще сюрпризъ: немного выше Ноакау въ Кара-гоми впадаетъ съ лѣвой стороны средней величины горная рѣчка. Отъ дождя, который въ скалистыхъ верховьяхъ ея начался, вѣроятно, нѣсколькими часами раньше, чѣмъ здѣсь, вода въ ней сильно прибыла и уже хлестала черезъ маленький мостики, перекинутый для пѣшеходовъ съ одного берега на другой. Чтобы попасть въ Ноакау, намъ нужно было перейти эту рѣчку. Не будь дождя, мы бы подождали, пока вода убудеть, но теперь необходимо было во чтѣ-бы то ни стало идти дальше. Переправляться по мостику намъ казалось крайне опаснымъ: онъ почти совсѣмъ скрывался подъ водою и могъ каждую минуту быть снесеннымъ ею. Пришлось опять путешествовать вбродъ.

Эта переправа оказалась во всѣхъ отношеніяхъ гораздо хуже

предыдущихъ. Стремительное теченье едва не сбило насть съ ногъ, когда мы находились на срединѣ рѣчки. Я намокъ почти до пояса, набралъ полные сапоги воды и, когда шелъ дальше, они издавали такие звуки, какъ будто бы въ каждомъ изъ нихъ квакало по десятку лягушекъ. Отъ мѣста переправы намъ пришлось пройти еще версты две. Наконецъ, послѣ всѣхъ трудовъ, перенесенныхъ нами въ этотъ день, мы, голодные и усталые, въ 4 часа 20 минутъ по-полудни добрались до Ноакау. Такимъ образомъ, на переходѣ отъ верховьевъ Нацарули до Ноакау потребовалось болѣе 13 часовъ почти непрерывной ходьбы. Зато какое приятное чувство овладѣло мною, когда я вошелъ въ небольшую комнату, гдѣ въ печкѣ, вродѣ камина, пылалъ огонь. Послѣ трудныхъ переходовъ или восхожденія на высокую гору всегда испытываешь какое-то приятное ощущеніе. Чувствуешь, какъ будто бы совершилъ важное и трудное дѣло и что отдыхъ, слѣдующій за нимъ, вполнѣ заслуженъ. Это чувство бываетъ иногда настолько сильнымъ, что одно оно достаточно вознаграждаетъ любителя путешествий по горамъ за всѣ перенесенные имъ трудности и лишенія.

Съ удовольствиемъ сбросилъ я съ своихъ плечъ верхнее плащъ и расположился у огня. Рубашка, жилетъ и даже мѣховой пиджакъ такъ намокли отъ пота, что ихъ пришлось долго просушивать. Первой нашей заботой было, конечно, хорошо пойти. Я испытывалъ сильнѣйшую жажду и хотѣлъ какъ можно скорѣе напиться чаю, поэтому обѣщалъ рубль тому, кто не болѣе какъ въ 10 минутъ достанетъ мнѣ чайникъ или самоваръ. Не прошло и половины этого времени, какъ чайникъ былъ въ моемъ распоряженіи, а часъ спустя явилась вареная курица, хлѣбъ и молоко.

Въ заключеніе скажу еще нѣсколько словъ о позвоночныхъ животныхъ описываемой мною мѣстности.

Несмотря на то, что Рачинскій уѣздъ Кутаисской губерніи и Осетія раздѣлены высокимъ хребтомъ, фауна ихъ имѣеть весьма много общаго. Изъ млекопитающихъ, водящихся здѣсь, болѣе другихъ заслуживаютъ вниманія, конечно, горные козлы: туръ *Aegoceros Pallasii-Rouil.* и Сарга *Caucasica Guld.*, какъ животныхъ, принадлежащихъ только Кавказу. Въ замѣткѣ, помѣщенной въ Трудахъ С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей *), я уже

*) „Кавказскій горный козелъ.“ 1882 г.

упоминаль, что каждое изъ этихъ животныхъ имѣть свою область распространенія и что около того отрога Главнаго хребта, на которомъ находятся высочайшіе послѣ Эльбруса пики Кавказа, Дыхътаяу и Каштанъ-тау, обѣ области соприкасаются другъ съ другомъ. Разспрашивая о козлахъ у охотниковъ и осматривая сохранившіеся у нихъ рога, я убѣдился, что въ горахъ восточной Осетіи, т. е. въ Дигоріи, водится оба вида, тогда-какъ въ западной Осетіи, начиная съ верховьевъ Цей и Ардона, встрѣчается только Aeg. Pallasii. Въ подтвержденіе послѣдняго я напомню читателю о громадной кучѣ роговъ около часовни Рекомъ, где я не нашель ни одной пары роговъ, принадлежащихъ C. caucasica.

Въ Касарскомъ ущельи и на Казбекѣ Aeg. Pallasii встрѣчается чаще, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Изъ разсказовъ охотниковъ я замѣтилъ, что онъ держится не такъ высоко и не въ столь неприступныхъ мѣстахъ, какъ Сарга caucasica. Мы говорили, что онъ попадается, напримѣръ, на горахъ около аула Нузыла, а въ урошищѣ св. Николая даже показывали скалы, на которыхъ очень часто убиваютъ этихъ животныхъ. Какъ тѣ, такъ и другія мѣста расположены сравнительно очень не высоко. Такимъ образомъ Aegoceros Pallasii не только по своей организаціи *), но и по образу жизни, представляетъ переходную форму отъ козловъ къ баранамъ. Оба вида козловъ живутъ и на южномъ склонѣ Главнаго хребта, въ Рачѣ. Третій видъ, именно Сарга Aegagrus Gmel., ни въ Осетіи, ни въ Рачѣ не встрѣчается вовсе.

Что касается сернѣ (Capella hyrcanica), то онъ живутъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, где и туры; кромѣ того, ихъ можно встрѣтить и въ среднемъ поясѣ горъ, у верхней границы лѣсовъ и ниже ея. Убивали сернѣ даже въ предгорьяхъ, напр., недалеко отъ Алагира. Вообще здѣсь эти животные не составляютъ рѣдкости и рога ихъ очень часто можно видѣть какъ у охотниковъ, такъ и у не-охотниковъ; но, судя по личнымъ наблюденіямъ, я думаю, что въ Кубанской области ихъ гораздо больше. Во время путешествій по горамъ я видѣлъ ихъ тамъ почти каждый день, иѣсколько разъ стрѣлялъ по нимъ и иногда убивалъ. Много сернѣ попадается по склонамъ горы Шода и Адай-хокъ.

Кавказская серна едва-ли отличается важными признаками отъ Альпійской. Она имѣть короткое, сильное туловище и длин-

*) Толстая, съ горбатымъ носомъ морда, относительно длинный, покрытый съ верхней и нижней стороны хвостъ и особенною образомъ изогнутые рога сближаютъ его съ баранами.

ныя, крѣпкія, довольно толстыя ноги съ крѣпкими почти черными копытами. Рога чисто черного цвѣта; я не встрѣчалъ ихъ длиною $8\frac{1}{2}$ дюймовъ, считая по кривизнѣ передней поверхности. Они покрыты мелкими, нѣжными морщинами. Цвѣть серны измѣняется по временамъ года, и притомъ не такъ, какъ у другихъ животныхъ: именно серны имѣютъ лѣтомъ цвѣть шерсти гораздо свѣтлѣе, чѣмъ зимой. Двѣ серны, убитыя въ срединѣ юля, имѣли слѣдующую окраску: преобладающей цвѣть шерсти былъ ржаво-рыжій; по бокамъ головы, отъ угла рта тянулась черезъ глазъ къ уху бураго цвѣта полоска, шириной немногого болѣе дюйма; уши покрыты темно-буровою шерстью; темно-бурая полоска тянется вдоль спины. По бокамъ туловища, отъ передней лопатки къ паху, тянется темная, сѣро-бурая, широкая полоса, за которой слѣдуетъ яркая, ржаво-желтая шерсть, покрывающая почти всю нижнюю часть туловища. Въ пахахъ шерсть бѣлая, а на концѣ хвоста, на плечахъ и ногахъ темно-бураго цвѣта. Зимою большая часть тѣла покрывается красивою, темно-буровою или даже черно-буровою шерстью; желтоватый или рыжеватый цвѣта остаются на ногахъ и головѣ.

Нѣкоторыя серны держатся по высокимъ, скалистымъ, трудно-доступнымъ, совершенно безлѣснымъ мѣстамъ, другія-же, подобно швейцарской Waltdthier, отдаются явное предпочтеніе горнымъ лѣсамъ. Во время прежнихъ своихъ путешествій по горамъ я самъ часто видѣлъ сернь въ не особенно густыхъ сосновыхъ и еловыхъ лѣсахъ, растущихъ по крутымъ косогорамъ или балкамъ.

Благородный олень (*Cervus Elaphus*) часто встрѣчается въ обширныхъ лѣсахъ, покрывающихъ предгорія Кавказа, въ верховьяхъ же Ріона и въ болѣе высокой части Осетіи его нѣть во-все. Почти то-же можно сказать о дикомъ кабанѣ и косулѣ (*Capreolus vulgaris*), хотя, впрочемъ, послѣднія изрѣдка попадаются въ лѣсахъ верховьевъ Ріона. Мнеъ страннымъ казалось отсутствіе кабановъ, оленей и козь въ большихъ тѣнистыхъ лѣсахъ Чанчахи, Запхетуры и Чешуры и, вѣроятно, это обстоятельство объясняется громаднѣйшими снѣгами, выпадающими здѣсь зимою. Я уже говорилъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этихъ долинъ выпадаетъ такой снѣгъ, который почти совершенно скрываетъ подъ собою лѣсъ. Для медведя, который можетъ покойно проспать цѣлую зиму, такие снѣга, конечно, ни-почемъ и потому онъ водится всюду въ изобилии. Въ верховьяхъ Ріона онъ встрѣчается очень часто. Мнеъ рассказывали, что когда въ Чюра былъ падежъ скота и трупы

умершихъ животныхъ выбрасывались недалеко отъ селенія, то тамъ, даже днемъ, иногда можно было видѣть около десятка медвѣдей. Однако, ни одинъ изъ отважныхъ имеретинскихъ охотниковъ не воспользовался такимъ прекраснымъ случаемъ поохотиться на медвѣдей.

Иногда медвѣдь встрѣчается въ горахъ очень высоко и слѣды его я видѣлъ нѣсколько разъ на снѣжныхъ поляхъ, расположенныхъ на высотѣ 10 или 11 тысячъ футовъ. Осетины говорятъ, что медвѣди изрѣдка нападаютъ на ихъ домашній скотъ, въ томъ числѣ на лошадей и быковъ. Въ дигорскомъ аулѣ Стредигоръ хозяинъ дома, въ которомъ я остановился, рассказывалъ мнѣ, что одинъ медвѣдь очень большого роста, разорвавшій у него болѣе десятка овецъ, телятъ и коровъ, всюду являлся въ сопровожденіи двухъ волковъ. Когда онъ, убивши крупное животное, начиналъ рвать его, то волки держались въ сторонѣ и не смѣли къ нему приблизиться; они принимались за юду только тогда, когда медвѣдь, наѣвшій до-сыта, удалялся. Этого медвѣда нѣсколько разъ собирались подкараулить и убить, но все попытки оказались тщетными; въ лѣсу, однако, охотники нашли логовище, гдѣ медвѣдь имѣлъ обыкновеніе отдыхать, и здѣсь-же оказались двѣ лежки волковъ. Не знаю, на сколько разказать этотъ вѣренъ, но, по моему, онъ не представляетъ ничего невѣроятнаго, такъ-какъ подобные ему примѣры встрѣчаются не особенно рѣдко въ животномъ царствѣ. Въ генахъ, шакалахъ и дикихъ собакахъ, левъ и тигръ имѣютъ такихъ-же подбирателей остатковъ, каковы здѣсь волки. Еще болѣе интересную ассоціацію представляютъ медоѣдъ *Rotellus capensis* и африканская птичка *Indicator major*. Послѣдняя слишкомъ слаба, чтобы собственными силами разорвать пчелиное гнѣзdo и потому крикомъ призываетъ рателя и, когда тотъ, разоривъ гнѣзdo и наѣвшись, удаляется, она наслаждается за свою услугу. Даже бурумъ отыскиваютъ гнѣзда дикихъ пчель по крику этой птички.

Замѣчательно, что сусликъ (*Spermophylus musicus* Men.), который встрѣчается въ такомъ громадномъ количествѣ во всѣхъ рѣчныхъ долинахъ, начинающихся на склонахъ Эльбруса и въ долинѣ Чегема, ни въ Осетии, ни въ верховыхъ Риона мнѣ не попадался ни разу; едва-ли можно допустить, чтобы я его не замѣтилъ, такъ-какъ его звонкое, похожее на птичье, чирканье обращаетъ на себя вниманіе каждого.

Чтѣмъ касается птицъ, то большая часть ихъ одинаковы съ тѣ-

ми, которые водятся въ предѣлахъ Нальчикского округа (бывшаго Пятигорскаго) и о которомъ я уже писалъ въ своей предыдущей статьѣ *). Въ предгорьяхъ всюду встрѣчаются горлицы, ветютени, скалистые голуби (*Columba livia*), перепелки, нѣсколько рѣже куропатки и стрепета. Красивыя горныя курочки (*Perdix Chucar Gray*) встрѣчаются почти во всѣхъ горныхъ долинахъ и ущельяхъ, то по голымъ скаламъ и осипямъ, то по мѣстамъ, покрытымъ кустарниками. Я видѣлъ ихъ нѣсколько разъ въ Дигоріи и въ долинѣ Ардона. Кавказскій горный тетеревъ (*Tetrao Mlocosyewitzii*) попадался мнѣ въ верховьяхъ Риона и Золхетуры, но, какъ узналь я отъ мѣстныхъ охотниковъ, онъ встрѣчается вездѣ въ горахъ около верхней границы лѣсовъ. Еще выше живеть горная индѣйка (*Megaloperdix caucasica Pall.*). Дергачъ и перепелка имѣютъ очень большое вертикальное распространеніе. Перепелокъ я встрѣчалъ до высоты почти 7 тысячъ футовъ, коростелей нѣсколько ниже. По берегамъ рѣчекъ и ручьевъ въ средней полосѣ горъ часто встрѣчается рѣчной зуекъ (*Aegialites minor*). Въ лѣсахъ около Алагира я встрѣчалъ еще дятловъ, весьма похожихъ на обыкновенного *Picus major* и персидскаго *P. Pelzami*, но, такъ-какъ мнѣ не удалось убить ихъ, то я и не рѣшаюсь утверждать, къ какому именно изъ этихъ двухъ видовъ ихъ слѣдуетъ причислить. Грифы (*Gyps fulvus Gm.*, *Vultur cinereus Naum.*, *Niophron percnopterus L.*), ягнятникъ (*Gypaetus barbatus L.*) и орлы (*Aquila naevia*, *A. imperialis* и, вѣроятно, *Aquila fulva*) встрѣчаются не особенно рѣдко, значительно рѣже — орланы *Haliaetus albicilla L.* и скопа (*Pandion fluviatilis*). Кавказскій сарычъ (*Buteo Ménétries. Bogd.*), ястребъ перепелтина, а въ предгорьяхъ коршунъ (*Mivus ater Gm.*) и кобчикъ (*Erythropus vespertinus L.*) встрѣчаются чисто. Перебираясь черезъ Кавказскій хребетъ, я видѣлъ на очень большой высотѣ двухъ небольшихъ соколовъ. Совершенно подобные имъ попадались мнѣ раза два въ верховьяхъ Золхетуры. Какъ кажется, это были бѣлогорлики (*Falco sulbuteo L.*)

Около Мамисоновскаго перевала и нѣсколько ниже, на сѣверномъ склонѣ хребта, я видѣлъ нѣсколько разъ раполова (*Linota bella Hemp.*) и краснаго воробья (*Erythrotorax erythrinus*, *Piranga erythrina Pall.*). Послѣдняя птица, свойственная по преимуществу сѣверу, попадается на Кавказѣ только на большихъ высотахъ. Прежде я встрѣчалъ ее на высотѣ 8.000 ф. около перевала

*.) См. „Горы и ущелья Терской области“.

Военно-Грузинской дороги, этот разъ еще выше на Мамисоновскомъ перевалѣ (9.300 ф.). Безъ сомнѣнія, здѣсь, на влажныхъ лугахъ, она и гнѣздится. Весною-же, во время перелета, я ее встрѣчалъ и въ мѣстахъ несравненно болѣе низкихъ, напр., въ апрѣль мѣсяцѣ нѣсколько разъ около Ставрополя. Въ горахъ эти птички держатся небольшими стайками (5 — 10 штукъ) и часто садятся на высокіе стебли чемерицы (*Veratrum*). Въ тѣхъ-же самыхъ мѣстахъ я встрѣтилъ и горныхъ или снѣжныхъ выорковъ (*Montifringilla nivalis*, *Passer alpicola* Pall.). Замѣчу, что прежде въ горахъ я ихъ не встрѣчалъ нигдѣ, кромѣ Военно-Грузинской дороги (между Коби и Гудауромъ), и потому не могу согласиться съ тѣмъ, что эта птица встрѣчается на всѣхъ горныхъ лугахъ Кавказа *). Нельзя также согласиться съ мнѣніемъ Глогера, цитированнымъ Бремомъ, что этотъ выорокъ всегда держится на обрывистыхъ скалахъ, вблизи снѣжныхъ и глетчерныхъ полей. Я, наоборотъ, нѣсколько разъ встрѣчалъ его на горныхъ лугахъ, вдали отъ крутыхъ скалъ и въ очень большомъ разстояніи отъ ледниковъ и снѣговъ. Я замѣтилъ только, что онъ не любить садиться на стебельки травы или вѣточки какихъ-нибудь альпійскихъ растеній, а выбираетъ камни, скалы или голую землю, напомная въ этомъ отношеніи чекановъ. Иволга (*Ogyolus galbula* L.) встрѣчается въ предгорьяхъ и здѣсь гнѣздится. Въ Дигоріи одинъ изъ охотниковъ, видя, что я снимаю шкурки съ птицъ, сталъ спрашивать о разныхъ родахъ ихъ и между-прочимъ спросилъ, чтѣ за птица, у которой верхняя и нижняя половины клюва перекрещаются и заходятъ другъ за друга. По его словамъ, эту птицу онъ нѣсколько разъ видѣлъ въ своихъ лѣсахъ. Безъ сомнѣнія, онъ говорилъ о клестахъ (*Loxia*), существованіе которыхъ на Кавказѣ до-сихъ-порь подвергается сомнѣнію. Въ дремучихъ хвойныхъ лѣсахъ верховьевъ Риона птицъ вообще очень мало. Здѣсь я видѣлъ крапивника (*Troglodites parvulus*), синицъ (*Parus major*) и маленькихъ славокъ (*Sylvia* sp.?), голосъ которыхъ въ этихъ лѣсахъ слышится чаще, чѣмъ чай-либо. На большихъ высотахъ самая обыкновенная птицы — альпійскія голуби (*Pygargosaurus alpinus* Wiell.) и клушицы (*Fregilus graculus* L.). Изъ широкоротыхъ (*Hyantes*) я здѣсь вовсе не встрѣчалъ горной косатки (*Cypselurus melba* L.), тогда-какъ *Cypselurus apus* L. попадалась часто. Ласточки (*Chelidon urbica* L. и *Herunda rustica* L.) живутъ

*) М. Богдановъ. Птицы Кавказа, р. 68.

во всѣхъ аулахъ и селеніяхъ, а *Cotyle rupestris* — по высокимъ отвѣснымъ скаламъ. Чѣмъ касается остальныхъ, по преимуществу мелкихъ, птичекъ, какъ-то: плисокъ, завирушекъ, черногрудокъ (*Ruticilla*), чекановъ и т. д., то они совершенно одинаковы съ тѣми, которыхъ я перечислялъ, описывая горы съверо-западнаго Кавказа и Пятигорскаго округа.

Чѣмъ касается пресмыкающихся, то, за исключеніемъ *Lacerta muralis Laur.* въ горной полосѣ ихъ очень мало. Зато эта небольшая, красивая ящерица встрѣчается въ огромномъ количествѣ вездѣ, гдѣ только есть скалы. На южномъ склонѣ я встрѣчалъ ее часто и въ травѣ вмѣстѣ съ *Lacerta viridis*. Окраска ея бываетъ очень разнообразна. Нѣкоторые экземпляры имѣютъ голубовато-синюю спинку съ черными пятнышками и бѣловатое или свинцово-серое брюшко. У другихъ спинка зеленоватая съ черными пятнышками, у молодыхъ она зеленоватая или еще чаще — бурая. Брюшко также имѣть иногда желтоватый оттѣнокъ. По бокамъ туловища проходятъ продольные темные полоски, у нѣкоторыхъ экземпляровъ они замѣняются зеленоватыми. *Lacerta viridis* живеть въ предгорьяхъ, въ горахъ-же, на значительной высотѣ не попадается вовсе. *Lacerta agilis* встрѣчается значительно рѣже. *Stelio caucasicus Eichw.*, которая въ такомъ изобилии живеть везде по Курѣ и дальше на югъ, ни въ Осетіи, ни въ верховьяхъ Ріона не встрѣчается вовсе.

Изъ змѣй довольно часто попадается кольчатый ужъ (*Tropidonotus natrix L.*) и мѣданка (*Coronella austriaca Laur.*). Около Алагира мнѣ попался одинъ экземпляръ мѣданки замѣчательно темного цвѣта. Спинка у него была черно-бурая, горло свинцово-серое, а почти все брюшко темнаго, синевато-стального цвѣта. Позади глаза тянулась чернаго цвѣта полоска, чернаго-же мелкія пятнышки находились на верхней сторонѣ головки. Гадюка (*Re- lia*s *berus L.*) встрѣчается, какъ кажется, не особенно часто.

Изъ амфибій *Hyla arborea* встрѣчается только въ предгорьяхъ, въ горахъ-же она мнѣ не попадалась. Значительно выше распространяется *Rana esculenta L.*, еще выше жабы и травяная лягушка (*Rana temporaria L.*). Послѣднюю я нѣсколько разъ встрѣчалъ на высотѣ болѣе 7.000 футовъ. Всѣ экземпляры, собранные мною на большихъ высотахъ, отличаются темной окраской. *Rana temporaria*, живущая на равнинахъ Съвернаго Кавказа, имѣть почти всегда свѣтло-желтовато-бурую спинку, съ рѣдкими черными пятнышками, у альпійскихъ-же экземпляровъ спинка тем-

но-сърая съ большими, частыми, совершенно черными пятнами. Болѣе рѣзкій свѣтъ способствуетъ развитію пигмента, поэтому почти всѣ альпійскія животные имѣютъ сравнительно темную окраску. На высотѣ 8.000 футовъ я встрѣтилъ еще жабу (*Bufo variabilis* Pall.).

Н. Димитровъ.